

СВЕТ СТОЛИЦЫ

литературно-
художественный
журнал

02 / 2023

2023

УДК 882
ББК 84(2Рос)

Учредитель:
ООО "ИПО "У Никитских ворот"

Издатель:
АНО "Редакция альманаха "Академия поэзии"

*Журнал издаётся при информационной
поддержке "Литературной газеты"*

Главный редактор:
Максим Замшев

Шеф-редактор:
Анна Баранова

Корректор:
Анна Соломатина

Дизайн-макет:
Андрей Дирижаблев

Компьютерная вёрстка,
оформление обложки:
Алина Симонова

Адрес редакции:
121069, Москва, ул. Большая
Никитская, 50а/5, стр. 1, оф. 40.
Тел.: +7 (495) 690-67-19
info@acpoetry.ru

Тираж 1000 экз.

© Академия поэзии, 2023
© Издательство «У Никитских ворот», 2023
© Коллектив авторов, 2023

ISBN 978-5-00170-773-8

9 785001 707738 >

ТЕМА НОМЕРА:

150 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ,
ПРОЗАИКА И ПУБЛИЦИСТА М.М. ПРИШВИНА

1

ПОЭЗИЯ

АНДРЕЙ ИВАНОВ

Мне не нужно одобренья

Мне не нужно одобренья,
Слов учтивых похвалы.
Мой источник вдохновенья –
На природе, у ветлы.

Там, где лес стоит у поля,
Где снега лежат пока.
Нет надзора и контроля,
Воздух где пьянит слегка.

Сухостой там у тропинки
Рассыпается в руках.
И летят, летят крупинки,
Оседая на кустах.

Иванов Андрей Владимирович родился в 1978 году в Туле в семье военнослужащего. В 2002 году с отличием окончил МАИ. С 2021 года член ЛИТО «Ладога» (Лобня) имени Ю.В. Петрова. Автор поэтических сборников «Шаги» (2021; издательство «Экон-Информ») и «Путь» (2022; издательство «Экон-Информ»). Публиковался в альманахах «Чайки над Лобней» и «Дебют». Член Союза писателей России.

У околицы церквушка,
Виден крест издалека.
Под горой течёт речушка,
Рядом кущи ивняка.

Потянуло с хаты с краю
Пирогам да едой.
Эти запахи вдыхаю,
И урчит желудок мой.

Шаг ускорю я под горку,
Семеню почти трусцой.
Эх бы водки под икорку –
Вот такой сейчас настрой!

В дом попав, согреюсь чаем,
Разрумянюсь докрасна.
Пёс зальётся добрым лаем,
Жизнь прекрасна и полна!

03.02.2023

* * *

Каждое утро собою прекрасно,
В разных сезонах различно оно.
Осенью небо с утра ярко-красно
Или всё в тучах, и дождик в окно.

Зимний пейзаж поражает морозом,
В инее всё, изо рта валит пар.
Мутное солнце в тумане белёсом,
В шапке из снега подсветит фонарь.

А по весне нас разбудит ручьями,
Слышится звуком весёлым капель.
Лёд на реке весь пошёл полыньями,
И распустилась иголками ель.

Раннее солнышко летом подсветит
Лучиком нежным меж шторок кровать.
И на подушке горячий приветик –
Мол, просыпайся, дружок, хватит спать.

Каждый из нас этой жизни свидетель,
Чувство прекрасного в каждом ценю.
Но нам досталась одна добродетель:
«Радуйтесь каждому мирному дню!»

14.01.2023

* * *

Тропка по лесу проходит,
Впереди замёрзший пруд.
Здесь порою кто-то бродит,
И следов полно вокруг.

Лунок на снегу не видно,
Ведь зимою спит карась.
Рыболовам, очевидно,
И к весне готовят снасть.

Но на ровной глади снега
Странный видится узор:
Как заглавная омега
Иль другой какой декор.

Кто-то здесь нашёл местечко
И вдали от лишних глаз
Просто вытоптал сердечко,
Пробивая хрупкий наст.

До чего же это мило –
Романтизм и все дела.
Сердце солнце подсветило,
Радость на душу легла.

И улыбка шире, шире,
И стою я сам не свой.
Хорошо, что в этом мире
Есть романтики зимой.

14.02.2023

В зеркале озера

В зеркале озера – лес вверх тормашкой,
Гладь на просторах, вокруг тишина.
Мы – на скамейке с закуской, с рюмашкой,
Ластится к берегу нежно волна.

Сыра нарезка и в банке кальмары,
Всё по-походному, всё без затей.
Всё же с тобой мы чудесная пара!
Боже, храни нас и наших детей!

Мы за Полярным находимся кругом:
Сопки, леса, этот воздух и вид.
И в тишине нам комфортно друг с другом...
Чёрточки в сумраке от персеид...

16.08.2022

АНАТОЛИЙ КОРОТКОВ

Ветер

Ветер по лесу гуляет,
Вниз деревья наклоняет,
На верхушках рвёт сучки
Все сухие на клочки.

Лес шумит, скрипят деревья,
Беспокойно спит деревня.
Шум покоя не даёт,
То завоет, то ревёт.

Коротков Анатолий Николаевич — член МГО СП России. Родился в селе Здвинск Новосибирской области 13 октября 1933 года. После окончания военного училища 26 лет отдал службе в рядах Советской армии. Уволился по болезни.

Окончил педагогический институт, математический факультет. Стихи начал писать после завершения трудовой деятельности и выхода на пенсию. Первые публикации — в журнале «Смена» (2002 г.).

Издal несколько сборников стихов и рассказов, а также книгу воспоминаний «Через две эпохи». Соавтор многих сборников, издаваемых МГО СП России и НП «Литературная республика».

Отмечен наградами Союза писателей России: дипломом «За верность русскому слову» с вручением медали «60 лет МГО Союза писателей России», дипломом литературно-общественной премии «Золотая осень» им. С.А. Есенина с вручением одноимённого ордена; медалью «Родина-мать зовёт» — в честь 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Ветром кровли с крыш срывает
И сараи разрушает,
Замыкает провода –
Настоящая беда.

Хоть бы не было пожара,
Где в лесу спастись от жара?
Не поможет и река,
Хоть довольно глубока.

Путь один – просить у Бога
Отвратить от нас тревогу,
Сильный ветер укротить,
Мир в округу возвратить.

Только Он всё это может,
И унять стихию тоже.
Потому, что Он Творец
И для нас Родной Отец.

17.06.2022

Плато Путорана¹

*Неосуществлённому проекту Ве-
ликого Северного железнодорожного
пути посвящается*

На просторах Родины могучей,
Где во льдах суровый океан,
Ледокол, что в мире лучший,
За собой проводит караван.

¹ Плато Путорана – горный массив, расположенный на Северо-Западе Среднесибирского плоскогорья.

Этот путь сегодня нужен людям,
Чтобы Север для страны обогатить.
Воплощать задуманное будем –
В сказку Путорану обратить.

А она, родная Путорана,
Ждёт, когда мы возвратимся к ней.
И уверена, что поздно или рано
Торжество наступит для идей.

Может быть, мы со второй попытки
Сможем все преграды одолеть.
Труд пусть будет с радостью в избытке,
Сможет всех и накормить, и обогреть.

Вот тогда окрепнет вся Отчизна,
Расширяя всюду благодать.
Смысл другой появится у жизни –
Творчество во благо развивать.

Расцветёт во всём Сибирский Север,
Новые воздвигнет города.
Возродятся вымершие звери,
Флора разрастётся навсегда.

Сохраним живой нашу планету,
Хлам различный уберём с небес,
Пожелаем всем: МНОГИЕ ЛЕТА,
Мирной жизни и простых чудес!

Жизнь прекрасна

Сама собою жизнь прекрасна
Со всех сторон, как ни крути.
Случается, что цель не ясна,
К ней трудно путь прямой найти.

Посмотришь – всё благоухает,
Вокруг сплошная красота.
Но мне чего-то не хватает,
Как будто меркнут небеса.

Вдруг вспомнил, что жену обидел,
Зачем-то дочку обругал.
Уже всё по-другому видел,
От глупости своей страдал.

Решил скорее извиниться
И впредь того не допускать .
Мир моментально изменился,
С небес спустилась благодать.

Мы ближних часто обижаем,
Совсем не думая о том,
Что их здоровью угрожаем,
Прощенья не прося потом.

Любите жизнь свою и ближних,
Нам для того любовь дана.
Любите всех, это не лишне,
В любых делах любовь нужна.

Всё, сотворённое с любовью,
Бесспорно, украшает жизнь,
Приносит радость и здоровье,
Своим творением гордись!

16.06.2022

Родственные души

Где вы, родственные души,
На воде или на суше?
Может, место в облаках,
Обетованно в веках?

Часто мы о вас мечтаем
И порой не замечаем,
Что родные среди нас,
Только их не слышен глас.

Слух с годами притупился –
Частотой вниз опустился,
На высокие тона
Уж доступность не дана.

Чувства в роботов вселяем,
А свои совсем теряем.
Роботы хоть и послушны,
Но они совсем бездушны.

Связь меж душами людей
Много глубже и сложнее.
Бог её определил,
Всех ЛЮБОВЬЮ наградил.

А она для тех, кто ВЕРИТ,
Открывает чувствам двери,
Учит узнавать своих,
Православных и родных.

И тогда, в одной общине,
Всем родниться есть причина,
Чтоб идти одной дорогой
До ГОСПОДНЕГО порога.

11.06.2022

ВАСИЛИЙ МУРЗИН

В стихотворениях Мурзина много природы, но их нельзя назвать пейзажными, это не абсолютная лирика – скорее, лирика социальная, а может быть, и экзистенциальная.

Роман Сенчин, писатель

Цикл «Времена года»

Январь

1 января – земля круглая, как нуль,
Как космический корабль,

Мурзин Василий Сергеевич — поэт. Родился 3 октября 1982 года в Москве. Постоянный автор «Литературной газеты». Победитель конкурсов Московской городской организации Союза писателей России (МГО СПР) «Поэт XXI века» (премия им. Б.Л. Пастернака — 2022 за книгу «Остров»), альманаха «Литературная Республика 2022», «Стул № 13» (премия им. И. Ильфа и Е. Петрова в номинации «Поэзия»). Удостоен награды МГО СПР: ордена «За вклад в литературу XXI века». Автор книг «Обнуление», «Остров», коллективных сборников постоянных авторов «Литературной газеты» «15», «Приглашение в мастерскую», «Тайна вдохновения», «Вероятность счастья», «Роман Сенчин представляет», многих коллективных сборников МГО СПР, в том числе энциклопедии «Московская городская организация Союза писателей России... XXI век... Начало...». Публиковался в газетах «Литературная Россия», «Независимая газета», «Литературные известия», в журналах «Москва», «Вторник», «Москва литературная», «Свет столицы». Номинант премии VII Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков (2019).

Который стартовал, обогнул
Солнце и вернулся,
Оказалось, солнце – не квадрат,
А парабола.

«Мы вас услышали», – повторяет радио.
Пустота вращает устами,
Будто грешница в преддверии рая.
Будто брутто коснулся Фома,
А не язвы Христа перстами.

В проходном дворе весь день кто-то нервно шоркал:
Либо дворник лопатой,
Либо город обглоданной воблой
Облачил в ледяные латы
Полдень,
А от воблы остался лишь
шомпол.

Балериною кружатся снеговою блаженно
В темпе скерцо
Этот город, граффити, стужа,
Стрелка в циферблате
И моё сердце.
Строит новый Баженов

Москва-сити.
Как купчихе идёт соболь,
Так идёт Москве стужа
На старте и финише дня.
Два нуля на меня глядят в оба,
Как будто на девицу
Не может налюбоваться
суженый!

ИДАЛИЯ ШЕВЦОВА-УРСАТИЙ

Походка нового русского

Никогда так не ходили на Руси,
чтобы ноги – калачом самоуверенным...
И не люди – а откормленные мерины –
от таких меня и сына – упаси!
Кулаки их – бьют наотмашь или насмерть:
сердца нет, тем более – души,
крутятся у власти, что ужи,
готовы менять страну и паспорт...
Никогда так не ходили на Руси,
а ходили, как Шукшин, плечами
заслоняя родину, венчая
широтой души, бороду носили и усы:
от Христа пошла такая мода,
значит, добрая душа народа.
Никогда так не ходили на Руси –
от таких честной народ Бог упаси.

Идалия Шевцова-Урсатий (Шевцова Идия Фёдоровна) родилась в с. Завьялово Алтайского края. Публикуется в журналах, коллективных сборниках России и Зарубежья. Автор нескольких поэтических книг и прозы. Участница Дней славянской письменности и культуры в республике Молдова в 1997 году. Член СП Приднестровья, Международного сообщества писательских союзов, Союза писателей России, член-корр. «Академии поэзии».

* * *

Камни тысячелетия лежат –
ежата...
и что-то мыслят, и явно думают о нас,
и твердолобыми считают,
непробиваемыми, да-с...
Но всё же крошатся и тают,
как волос мой на голове,
заканчивая долгий век,
мельчают, что те же люди,
и реки силой наполняют...
Гора для речки, будто блюдо:
не берегом – рукой венчает.
И камни крошатся халвою,
а галькой по воде стекают...
И от тоски, как волки, воют.

* * *

Открыта для свободного общения –
как здорово: хочу что – ворочу,
и на любимого ворчу, скворчу –
ведь он чужой – людское мнение!
И я всегда чужая, нелюбимая,
и отодвинута за семь дорог и рек –
не радуга, что в семь цветов единая,
но лишь знакомая для временных утех...
Свободным хорошо быть для общения –
для жизни это очень тяжело:
ведь он чужой – людское мнение –
но верится с трудом – предание свежо!

* * *

Могла бы мать меня и не родить...
Не познавала бы я божий мир,
меня бы съел какой-нибудь вампир,
и стало б некому меня судить,

что ем не то, не так и по-другому
воспринимаю непонятный мир,
и что приходится ходить в сортир,
что невозможно в свете по-иному...
Неужто больше и заняться нечем,
как мой характер под себя кроить?
Мы все уйдём с наземной вечности,
в земле оставшись, чтоб в элементах
разлагаясь, жить...
Могла бы мать меня и не родить...
Мне одного бы оставалось жалко:
любви на склоне лет и жаркой,
нечаянно пришедшей ласку лить...
По ней одной страдать могу, скулить...

2

проза

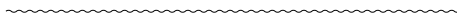

АЛЛА БАКШАНСКАЯ

Штрихи. Утро зимнее

Лёгкие бесцветные клубы дыма рождаются в трубе невидимого мной дома, поднимаются ввысь и встраиваются в ряды серых рваных облаков. Незримый ветер гонит их мимо телевизки, которая упрямо вонзает свою пику в розовеющие с востока облака, пытаясь притормозить движение к неясному, смутному и неизвестному. Начало дня.

Солнце ярко-алым расплавом попытается выглянуть в прореху между туч-облаков. Оно словно играет в прятки с ветром, который где-то там, в вышине, дует с северо-востока, гонит хмари небесные. Ещё выше и дальше обитает утреннее солнышко, зимнее, ярое. Оно прорывается лучами огненными в прогалины небесные, стараясь порадовать землю, согреть хоть на градус замерзающую, растопить тяжёлые льды и плотные влажные сбившиеся снега. Но они-то пока и прикрывают от холода простуженную грудь кашляющей планеты. Зима. Мечется солнце за тучами, выглядывает в щёлки, карабкается всё выше, вертит землю, упираясь в неё лучами: зима-лето, утро-вечер. Утро.

Бакшанская Алла Романовна. Родилась в Литве в середине XX века. Живёт в Беларуси. Родными считает города Паневежис, Ленинград, Североморск, Одессу и Минск. По образованию — экономист. Автор книг стихов «Вполголоса» и прозы «Давным-давно и ещё раньше». Публикуется в коллективных сборниках проектов «Созвездие» (Минск), «Библиотека современной поэзии» (Москва), на сайте «Стихи.ру». Участник альманаха международного фестиваля «Ганноверская весна».

На утоптанной серо-коричневой от песка тропинке снежная манна, выпавшая в ночи. На воротах примороженный засов и льдинки. Не сосулька, а просто оледеневший водопад свешивается с угла гаража, заковав приبلудившийся к нему кустик сирени в толстенный панцирь. А ведь в эти предновогодние дни по традиции, неведомо чьей, – оттепель, от нуля и выше. И переливается радугой ледяшка от радости встречи с лучом солнечным, удивляет формами и размерами, заставляя вглядеться и охнуть – красота!

У окна куст жасмина, нынче – сборище веток, облюбованное синичками, прилетающими днём поискать что-либо съедобное. С крыши почти без перерыва стекает ручеёк, стараниями ветра капли на прутья падают то вправо, то влево, и при морозе превращаются в немыслимые фигуры, пригибающие ветки к земле. Но сейчас плюс один. Ветки свободны и тёмно-серым ажуром перекрывают окно, наполненное светом. Да, солнце таки просочилось сквозь серость, растопило её, оставив на синеве лишь белые крупные барашковые облака. Они явно родственники сугробам, заполонившим сад-огород – крутолобые и того же окраса. Только одни куда-то мчатся, а другие возлежат, скукоживаясь день ото дня, теряя в росте и объёме, худеют к лету... Но до него ещё так далеко!

А поскольку всё относительно в нашей жизни, то ещё далеко и до вечера – утро степенно превращается в день. Один из последних декабрьских...

28.12.2022

Утро субботнее Слушая Таривердиева

Звучали духовые, не валторны, – кларнеты, флейты. И постукивание барабана.

Творился миг, в котором всё место было отдано музыке. Она держала, обнимая, охватывая, не отпуская. А за окном таким же кольцом всю округу обнимал туман – бело-молочное суфле, отгородив дом от улицы, размыв тёмную стену леса и бесцветное небо. Перебор чёрно-белых клавиш был родом отсюда – из этого туманного леса. Звуки проникали в утро, растекались по кухне, впитывая аромат кофе, заставляя

подстраиваться под себя ритм сердца. (А может, этим грешил кофе?) И хрипловатый клавесин просил внимания. Взгляд уплывал за окно, за горизонт, которого совсем не было, – стена леса и урез его на стыке с небосводом. Но я-то знаю, что горизонт есть и что за ним...

Вступили скрипки, заполняя душу таким знакомым напевом, унося внимание за собой. Мелодия медлила, держала темп, а внутри нарастала волна, которая вот-вот перехлестнёт дамбу, сбросит мощь чувств и рванёт через глаза, трепеща и рассыпаясь на мелкие триоли.

Старость. Уже? Ещё осталось чуть-чуть. Потом в медицинской карте так и будут писать – «старческое»... А смогу ли противостоять? А буду ли жить к тому моменту? Прежде хотелось думать, что какой-то порядок есть в природе. Но его не понять, он непредсказуем. Вдруг теряешь то, чего не находил. Находишь то, чего не терял. Уходят те, кто моложе, те, кому думал, надеялся перепоручить свои заботы. Оказывается, что твои проблемы и остаются твоими навсегда, и решаю их, можешь или нет. «Меняй привычки, – говорят, – если хочешь дотянуть до чело-века». А какой век у тебя? Не знаешь. А почему смена привычек позволит протянуть дольше? Думают, что химия жизни исправима?

Словно в ответ зазвучала музыка в испанском ритме незнакомой мелодией. Что же гитара пытается озвучить? Надо сменить ритм?! Давай попробуем! Ещё время какое-то есть. Какое? Ну и молчи, не говори. Всё моё – это моё. И скрипки!!! Да, они вернули ту, знакомую мелодию: он спал, ему были нужны ещё двадцать минут, чтобы вновь шагнуть вперёд, в неизвестность. Мне нужна вся моя жизнь, надеюсь, все минуты до последнего звука, что извлечёт смычок из сердца.

Кофе остыл. Умолк оркестр. Но утро туманное, субботнее только набиралось сил.

Пусть тремоло этих серебристых нот длится столько и так, как задумано. Пусть не спешит появиться дрожание нервное души и пальцев, хотя без первого не обойдёшься в жизни. Дай Бог прожить без второго. Под чудное звучание вальса в сердце...

21.01.2023

Сказочное

Мы живём в пригороде. До столицы 12-15 минут автобусом. Городок не городок, деревня не деревня. Дома – бывшие дачи, превратив-

шиеся по воле времени в жилые дома, особняки – кто во что горазд. Наша улица особенная – под лесом. Одна сторона застроена от самой трассы, вторая, наша, начинается опушкой леса, вернее, той лесополосы, что от него осталась или выросла уже после Великой Отечественной здесь, под Минском. По преданиям старожилов, рвы и ухабы в лесу остались от немецких складов ГСМ – были вкопаны цистерны с горючим. Сейчас лес размежёвывает части нашего посёлка: Городок, Райцентр, Геофизику. И всё-таки это лес! Хвойных – елей и сосен – большинство, но и дубов с осинками-берёзками хватает. Всегда есть чему удивиться и полюбоваться среди кустов и деревьев. То грибы, то ягоды, то золотое, то снежно-пушистое. Диво дивное, чудо чудное!

Нынче зима немного странная: снег выпал рано и обильно, морозило. В январе лили дожди, стояла оттепель. После Крещения, состоявшегося без морозов, зима одумалась и присыпала все проплешины снежком, навела красоту. Вот и сегодня чистить двор от снега не нужно, только припорошены для порядка дорожки белым. Мы с сыном отправились прогуляться, завернули за соседский дом на опушку леса. Красота! Стою, на телефон фотографирую. Вдруг голос сына: «Олень!» Метрах в десяти в сторону наших заборов за стволами деревьев рыжеет – он, она, оно? Небольшое изящное создание – косуля! Рядом шевелится вторая. Первая замерла и настороженно наблюдает за нами. А мы стоим на самой бойкой тропе из Радиоцентра в Городок – утоптана, лыжня бежит рядом. Я пытаюсь найти ракурс – если б ещё не близорукость, и очки дома оставила – поймать момент! Косуля тоже движется за кустами и стволами, осторожно поглядывая. Вторая только порой вскидывает голову и вновь что-то ищет в снегу. Пролетают мгновения, щёлкаю несколько кадров. Изящные визави делают поворот и, стремглав сорвавшись с места, исчезают. Чудеса!

Почти час ещё мы бродили по лесной просеке, слушая дятла и ворон с сороками, переживая чудо-встречу. На обратном пути подошли к месту, облюбованному парнокопытными, и рассматривали следы, вдруг здесь было серебряное копытце? Но из богатств только чудесное настроение, сказочные впечатления, окружающая красота и свежий воздух зимнего леса. Разве мало в этом сказочного?

АЛИСА БЕСКРОВНАЯ

История пятая. Видение

На тумбочке лежала сегодняшняя местная газета. Эшли Патерсон мельком взглянула на неё и сразу же пожалела об этом.

«Опять кто-то умер. В последнее время столько смертей...»

Эшли всегда пыталась отгородить себя от плохих новостей, но в последнее время это было невозможно. Когда в маленьком городе происходят крупные события, людям сложно молчать и не обращать внимания. На улице каждый третий обсуждал, что кто-то умер, кто-то попал в больницу, кто-то пропал, а самое главное – якобы на городе нависло проклятье. Эшли как могла пыталась отгородить себя: старалась ничего не читать, а с одноклассниками и родными не разговаривать на подобные темы. Но от неё не отставали. Кому-нибудь обязательно нужно было посплетничать о недавнем происшествии либо спросить её мнения. А ещё в последнее время девочки в школе бурно обсуждали, что им снились странные сны, и пересказывали их содержание. Эшли не могла поддерживать эту тему, потому что ей очень редко снились сны. У неё была совершенно другая проблема.

Бескровная Алиса родилась в 21 лунный день в год земного тигра.

С ранних лет Алису привлекала мистика, присутствующая во всех её произведениях, всё чаще и чаще переходя в ужасы. Поэтому неудивительно, что непревзойдённым наставником автора стал Эдгар Аллан По, к которому Бескровная обращается за помощью в своих творческих начинаниях. Главный урок, который она усвоила: в книгах не должно быть счастливого конца, так как сама жизнь редко заканчивается хеппи-эндом.

Сегодня она проснулась от неприятного ощущения. Эшли чувствовала, что кто-то пристально смотрит на неё. Когда она обернулась, возле кровати увидела свою младшую сестру с полуоткрытыми глазами. Эшли заставила себя успокоиться. Кэнди с самого детства страдала лунатизмом. Тем не менее её ночные хождения стали происходить слишком часто. Такие «ночные выходы» ужасно пугали девушку и действовали на нервы. Она понимала, что сестра делает это не специально, но Эшли начинало это надоедать. Ей хотелось жить в отдельной комнате, не с сестрой. Она часто обсуждала этот вопрос с мамой, но та на её страхи только отмахивалась.

«Поддержи Кэнди, ей и так тяжело. Ты привыкнешь», – эти слова Эшли слышала каждый раз при разговоре с матерью. Но мама же не спит с сестрой и не знает, каково это, когда ночью в темноте на тебя смотрят полуоткрытые, безжизненные глаза.

Эшли знала, что лунатиков будить нельзя, поэтому отвернулась и молилась, чтобы Кэнди поскорее отошла от неё. Однако в этот раз Кэнди стояла долго.

– Они придут за тобой, – послышался ей шёпот в полусне.

Эшли повернулась. Кэнди медленно подходила к своей кровати и наконец легла. Больше всего Эшли напугал голос. Он как будто бы принадлежал не сестре. Был чужой...

Утром, стоя перед зеркалом, Эшли закатила рукава пижамы, чтобы умыться холодной водой и отогнать от себя ночные кошмары. Она с ужасом обнаружила на запястье отчётливый синяк. Его не было вчера вечером, когда она ложилась спать, поэтому вывод был только один...

Эшли потрогала синюю линию, та отозвалась болью.

«Неужели Кэнди?..»

Эшли не помнила, чтобы Кэнди до неё дотрагивалась или как-то сильно взяла руку, чтобы оставить синяк. Но кто ещё мог это сделать?

В Эшли закипала злость. Она плохо спала из-за сестры, которая пугала её по ночам, а теперь ещё и синяк. Девушка вышла из ванны и начала одеваться, раздражаясь от каждой мелочи ещё больше и проклиная вслух всё на свете.

– Эш, что-то случилось? – сонным голосом спросила её сестра. Она только проснулась, что ещё больше разозлило Эшли.

– Да, случилось. Я ужасно спала из-за кое-кого.

– Ты о чём?

– О том, что твой лунатизм мне надоел! Когда ты уже прекратишь это делать? Ещё оставляешь по ночам мне синяки на руках. Вот смотри, что ты наделала! – Эшли закатила рукав и показала Кэнди синяк. Та печально посмотрела на сестру и ничего не ответила.

– Прости, – сказала Кэнди. Эшли заметила, что она готова была заплакать.

– Девочки, что там у вас происходит? – послышалось за дверью.

– Ничего!

С этими словами Эшли вышла из комнаты и отправилась к выходу.

– Завтракать не будешь? – спросила недоумевающая мама.

– Не хочу.

Эшли вышла из дома и тяжело вздохнула.

Вот такая неприятная сцена произошла у неё сегодня утром. Ещё и эта ужасная новость в газете... Эшли была уверена, что вся школа будет говорить об этом.

Идя по дороге в школу, она злилась на себя за слова, сказанные сгоряча. Она понимала, что Кэнди не виновата в своей болезни, однако ничего не могла с собой поделать. Ей уже осточертела эта история с лунатизмом. Тем более мало кто мог её понять, ведь ни у кого из знакомых не было похожей ситуации. Кто-то даже не слышал о такой болезни.

Эшли вообще мало с кем могла поговорить. Она не была изгоем в школе или одиночкой. Эшли просто ни с кем не сближалась, сама не понимая почему. Возможно, не хотела, а может быть, просто не нашёлся такой человек, которому она готова была довериться. У Эшли иногда возникали сомнения, что она найдёт такого человека в Дэрроне.

В последнее время ей приходилось прятаться в классе. Эшли было всё труднее разгуливать на переменах в школе. И на то были причины.

Вот и сейчас она быстренько переоделась и хотела спокойно дойти до своего класса, как вдруг услышала знакомый голос из раздевалки:

– Эй, Эшли, привет!

Девушка закатила глаза и даже не обернулась. Она поняла, что сегодня не её день.

– Эш!

Парень дернул её за плечо. Она окинула его недовольным взглядом.

Джеймс Фишер. Вот причина её «прятки» в классе.

После летних каникул он почему-то начал к ней приставать. Эта ситуация Эшли совсем не нравилась. Не таким она представляла своего «принца на белом коне». Тем более, как только об этом узнала её мать, то сразу же предупредила, чтобы Эшли ни за что не связывалась с Джеймсом. Да она и сама не хотела. Все в школе знали, что его отец алкоголик, а мать часто гуляет с другими мужчинами. А самое главное, Джеймс – бандит, и был частым гостем в полицейском участке. Эшли больше всего таких не любила. Ей никогда не нравились плохие мальчики из романов. Ещё ей очень не нравилось, что за ним и в школе, и на улице постоянно ходят другие мальчишки, с которыми он после занятий тусуется в заброшенных ангарах или домах. Да и он был не в её вкусе: неопрятный, с постоянной гривой на голове, в одежде не по размеру. Ещё и шатен с зелёными глазами. А Эшли всегда нравились голубоглазые блондины. Даже его родинка на щеке её бесила. Особенно сейчас.

– Чего тебе? – наконец сказала Эшли, когда поняла, что Джеймс от неё не отстанет.

– Слушай, Эш, не хочешь завтра в кино пойти? Я купил...

– Нет, не хочу! Сколько можно уже ко мне приставать? Отвали от меня!

– Да ладно тебе! Я на классный фильм билеты купил.

– Не хочу! И вообще, не говори со мной. Вор!

– Эй, что за наезд?

– Да потому что все уже знают, что вы недавно с ребятами из дома Ларкинсов всё своровали, даже еду из холодильника!

– Враньё! Мы не воры.

– Ну да, конечно, – Эшли сразу подумала об отце Джеймса, который за свою жизнь точно уж хоть что-то своровал.

– Я тебе клянусь, что мы таким не занимаемся. Особенно – украли всё в доме Томаса. Мы, по-твоему, у своих же воровать будем?

– Мне всё равно. Я просто не хочу с тобой разговаривать и уж тем более куда-то ходить! – Эшли развернулась и быстро ушла.

«Боже, как же он мне надоел!» – подумала она про себя и зашла в кабинет. Это было единственное место спасения, так как в её класс он не сунется. Не так давно они подрались с Бобби, и учитель пригрозил, что если ещё раз увидит, как они дерутся, то выгонит из школы. А они точно подерутся, если увидят друг друга...

После этого прошли очередные нудные уроки, бессмысленные разговоры с одноклассницами, чередующиеся с приставаньями Джеймса. Эшли ещё раз отметила, что сегодня не её день. За всё это время Джеймс надоел ей даже больше, чем лунатизм сестры. Она не понимала, как можно быть таким упрямым. Ведь она говорила «нет» уже сто раз. Сколько можно к ней приставать?

Перед уходом из школы Эшли взглянула на себя в зеркало.

«И что он во мне нашёл? Ведь есть куча других девушек посимпатичнее».

Она уже давно перестала нравиться себе в зеркале. Даже новая причёска не помогла. Зачем она послушала маму? Каре как будто ещё больше подчеркнуло её слишком круглое лицо. Глаза ей также не нравились. Голубой – вот идеал красоты. А у неё что? Цвет грязи. В зеркале, особенно во весь рост, Эшли понимала, насколько она толстая. Не толстуха, конечно, но и не милая пухляшка. Ей совсем не нравилась её чересчур большие для четырнадцати лет грудь и ляжки. Хотя мама постоянно успокаивала её и говорила, что мальчикам такое нравится. Но это неправда. Самый яркий пример – Аманда. Это была самая красивая девушка в их классе. У неё совсем не было груди, она была худой и стройной, и парни за ней табуном бежали.

«Вот какие девушки парням нравятся, а не такие», – и она снова посмотрела на своё отражение в зеркале и грустно вздохнула.

Из-за дополнительных уроков Эшли вышла из школы, когда солнце близилось к закату. Она готовила извинения для Кэнди. Сестра наверняка весь день проплакала из-за утренней ссоры. Эшли ещё раз посмотрела на синяк.

«Прости, Кэнди, я понимаю, что тебе тоже тяжело».

Поднимаясь по каменной лестнице, Эшли услышала стук копыт и остановилась. В нескольких метрах от неё стоял жеребёнок. Девушка несколько секунд недоумевала. Откуда здесь жеребёнок? Ещё и почти в центре города. Уже давно никто из соседей не занимается скотоводством.

Вдруг жеребёнок встал на задние копыта и издал звук, совсем не похожий на ржание. Это больше напоминало скрипучий хохот старухи. Глаза жеребёнка засверкали и были похожи на два красных огонька. От вида этого чудовища Эшли вскрикнула и пошатнулась. В следующий миг она увидела красное небо с плывущими по нему огненными облаками.

* * *

Когда Эшли открыла глаза, наверху красовался белый обшарпанный потолок. Голова ужасно болела. Она медленно приподнялась, но даже от малейшего движения у неё зашумело в ушах. Поэтому она не слышала, что говорили девушки возле её кровати. Она только чувствовала запах лекарств и больницы...

Через несколько минут пришёл врач. Только тогда Эшли поняла, что голова её перевязана. Врач сказал, что она упала с лестницы и ударилась. Само падение Эшли не помнила. В голове девушки остались только обрывки воспоминаний: красное небо и два глаза, в которых пылало пламя. Но чьи они были? Кого она увидела? От этих вопросов голова болела сильнее, и Эшли сдалась.

Врач сказал, что она пролежит здесь не меньше недели. Эта новость ужасно её расстроила. Она никогда не лежала в больнице, но часто приходила к своей сестре, которой за короткие одиннадцать лет «повезло» оказаться здесь уже три раза. Кэнди часто рассказывала, как здесь тяжело и скучно. Да и кормят отвратительно.

И Кэнди не была далека от истины.

Всё время пребывания в больнице Эшли одолевали слабость и сонливость, а больше всего – уныние. Она поняла, насколько тяжело было лежать в больнице её сестре. Эти белые безжизненные стены, скрипучие кровати, безвкусная еда, приём таблеток, о которых ты ничего не знаешь. А главное – куча незнакомых людей. Хотя какие-то девочки из палаты показались Эшли знакомыми, возможно, она их где-то уже видела в городе. Однако говорить с ними, кроме обыденных тем и как она сюда попала, было не о чем. Медсёстры часто менялись, какие-то были добрыми и милыми, другие противными и грубыми. Врач заходил каждое утро, но ничего конкретного не говорил, а только спрашивал о состоянии Эшли. Одинаковые, бесконечно долгие дни угнетали. Так как у неё часто болела голова, Эшли в основном лежала и ничего не делала. Это было невыносимо.

В один из таких унылых дней в окно неожиданно постучали. Девочки в палате вскрикнули. Одна из них осторожно подошла к окну, чтобы посмотреть на нарушителя, и тихо спросила:

– Ты кто?

– Я к Эшли. Она тут?

«Джеймс», – всплыло у Эшли в голове. Этот голос она узнает везде. Девочка возле окна вопросительно на неё посмотрела.

– Я сейчас подойду.

Эшли аккуратно встала с кровати и медленно подошла к окну. Она уже проклинала Джеймса, заставившего её сделать столько движений, от которых голова болела всё сильнее и сильнее.

– Что ты тут делаешь? Ты знаешь, что тебе сюда нельзя? – обвинительным тоном сказала она.

– Знаю. Но пробраться сюда – раз плюнуть. Я хотел тебя проведать.

– Спасибо, но это было необязательно. А теперь уходи, пока я тебя не сдала!

– А что такого? Я же по-дружески. Почему ты такая грубая?

– Мне очень плохо. Джеймс, я правда не могу с тобой болтать, – в этот момент она услышала шёпот за спиной и представила, что девочки из палаты уже себе надумали.

– Ладно-ладно, я понял. Главное, что ты живая. Вот возьми, я тебе принёс, – он протянул кулачок Эшли. Она высунула руку в окно и почувствовала, как на ладонку упало несколько конфет.

– Спасибо. Иди, а то тебя поймают.

– Да не парься, всё нормально.

Джеймс, довольный, побежал в сторону забора. У Эшли в голове не укладывалось, как он смог перелезть, но и узнавать она не собиралась. Ей просто хотелось лечь обратно в кровать.

Эшли представила, как страшно сейчас выглядит: бледная, с грязной головой и бинтом на голове.

«Вот уродина! Наверняка посмеялся надо мной».

Эшли надеялась, что теперь-то он точно от неё отстанет и больше не придёт. И от этой мысли почему-то ей стало ещё тоскливее.

* * *

В эту ночь девушки решили рассказывать страшилки, чтобы хоть как-то развлечься. Эшли сослалась на боль в голове и не стала участвовать, так как не любила подобные вещи. Но и уйти, к сожалению, не могла, поэтому пришлось с неохотой слушать. Не закрывать же голову подушкой. Первые истории были не такие страшные, и Эшли давно уже где-то их слышала, но вот от последней у неё побежали

мурашки по телу. Она поняла, что сегодня заснуть не сможет. Рассказывала её самая старшая девушка в палате, которая явно обладала хорошим воображением.

– Давным-давно на месте этой больницы располагалась шахта. Однако по загадочным причинам её закрыли и поверх неё построили больницу. Люди говорили, что шахту закрыли из-за обвала, и многие люди погибли, а кто-то остался в живых. Рабочие не смогли найти выход и мучительно умирали от голода. Теперь они поднимаются из-под земли и приходят к больным, чтобы нашептать, как им плохо. Ещё говорят, что умершие восстановили шахту и до сих пор работают. Но им не хватает сил. Поэтому они поднимаются сюда, в больницу, чтобы забрать с собой кого-нибудь вниз. Обычно они делают это по ночам. Тихо приоткрывают дверь, затем высовывают свою чёрную от грязи руку и зовут какую-нибудь больную девочку или мальчика. Жертва, как будто под гипнозом, встаёт и идёт за ним. Они доходят до подвала к огромной дыре. И когда девочка или мальчик подходит к ней, то видит внизу кучу шахтеров, живых и мёртвых. В этот момент призрак толкает жертву, и она проваливается прямо в огненную яму, и... Бу! – она испугала свою соседку по кровати, и та подскочила. Все тихо посмеялись, однако Эшли было не до смеха. Эта история была связана с местом, в котором они находились, да ещё и якобы основана на реальных событиях, поэтому девушке стало не по себе.

После вскрикиваний и смеха пришла медсестра, которая услышала шум в палате, и наказала всем ложиться спать. Когда все улеглись, Эшли закрыла глаза, но сон не шёл. Она пролежала в темноте час, после чего открыла глаза и посмотрела вокруг. Палату освещал только свет из окна двери, который помог рассмотреть Эшли всех соседок по несчастью. Все девочки спокойно спали.

Эшли не понимала. Неужели она такая трусиха и из-за какой-то выдуманной страшилки не может заснуть? Возможно, она и вправду была слишком чувствительной, как часто говорила мама. Поэтому всегда пыталась слушать поменьше плохих историй.

Она отвернулась к стенке и опять закрыла глаза. Эшли чувствовала, что начинает засыпать. Друг за другом шли несвязные картинки, в одной из которых появился жеребёнок. Его глаза горели ярким огнём. Эшли стало страшно, захотелось убежать. Она думала, что сейчас он её догонит и... Она упала.

Эшли вздрогнула. Это был всего лишь сон. Ей так редко снятся сны, и они всегда такие несвязные и... глупые.

Она до сих пор смутно помнила, как попала в больницу и почему. Возможно, из-за сотрясения всё было как в тумане. И всё-таки что с ней случилось?..

Эшли почувствовала, как кто-то смотрит на неё. Для неё это было знакомое ощущение. Эшли повернулась с полной уверенностью, что сейчас увидит Кэнди. Однако...

Она не дома.

От этого осознания Эшли ужаснулась. Возле её кровати никого не было, но она чувствовала, что кто-то продолжает непрерывно смотреть на неё. Девушка задрожала. Это было отвратительное ощущение. Она осторожно приподнялась, посмотрела в сторону двери и испугалась огромной чёрной тени на полу.

За дверью кто-то стоял и смотрел на неё.

Эшли пришлось сделать над собой усилие и заглянуть в окошко двери. За стеклом черты существа смотрелись расплывчато, но Эшли смогла разглядеть кругообразную лысую голову на огромных плечах. Девушка вся задрожала, когда дверь тихонько приоткрылась. Ручку держала толстая сероватая рука, которую закрывал чёрный балахон. Сквозь щель на Эшли смотрели большие выпуклые чёрные глаза.

В ушах зазвенело, голова закружилась. Эшли думала, что сейчас упадёт в обморок от страха либо стучащее с бешеной скоростью сердце остановится. Она закрыла глаза и уши и услышала хлопок двери.

Существо ушло.

Когда Эшли открыла глаза, всё было тихо, а за дверью никого не было. Соседки мирно спали. Она прислонилась к холодной стене, но ничего не услышала. Сердце не переставало стучать в бешеном ритме, казалось, оно никогда не успокоится. Эшли полностью закрылась одеялом. Глаза она не закрывала. Не могла. Думала, что если сейчас уснёт, то чудовище точно заберёт её. Всё это время ей было очень холодно. Хлопковое одеяло не спасало.

Она пролежала так до самого утра, пока не пришла медсестра мерить температуру. Когда все проснулись, Эшли немного успокоилась. Началось хоть какое-то движение, и ей больше не придётся лежать в темноте и беспокойно ждать.

Примерно через час пришёл врач. Он заметил, что Эшли очень бледна, и спросил, хорошо ли она себя чувствует. В этот момент девушка не сдержалась и сказала, что её тревожит:

– Ночью приходило какое-то огромное существо. Оно открыло дверь и что-то хотело...

– Существо? Может, это медсестра была, а ты в темноте не разглядела?

– Нет! Это было какое-то чудовище! У него были огромные чёрные глаза и серые...

– Эй, Эшли, да ты просто напридумывала себе от страха! – врач повернулся к девушке позади. – Мы вчера страшилки друг другу рассказывали, развлекались. Видимо, последняя история тебя слишком напугала.

– Нет, я говорю правду!

– Понятно, – задумчиво произнес врач.

Доктор глупо пошутил по этому поводу и продолжил обход, однако Эшли было не смешно.

После этого случилось то, чего Эшли боялась, – девочки начали над ней подшучивать. Это казалось ей несправедливым. Она пережила такой ужас ночью, но ей никто не верил. Ей было настолько обидно, что, когда от соседки по кровати прозвучала очередная шутка, Эшли кинула в её сторону банан, который размазался о стену, оставив пятно. После такой выходки все девочки только злорадно посмеялись над Эшли. Она уже пожалела, что вообще обращает внимание на подобные вещи. Девушка просто надеялась, что, когда выйдет из больницы, больше никогда не встретит этих мерзких соседок.

Когда наступил вечерний отбой и медсестра выключила свет, все девочки легли в постель, в очередной раз пошутив по поводу своей пугливой соседки. Эшли не обратила на это внимания. Теперь её волновало совсем другое: ей опять придётся лежать в полутьме и ждать. Вспоминая прошлую ночь, Эшли не могла даже на несколько секунд закрыть глаза. Она тревожно смотрела на полоску света на полу, вздрагивая от каждого шороха.

Эшли не могла понять, сколько прошло времени, когда она услышала громкий тяжёлый топот за дверью. Эшли сразу же захотела разбудить девочку, которая над ней посмеялась перед доктором, чтобы показать то самое существо. Она подошла к краю кровати и толкнула её за плечо. Однако девушка не шелохнулась и продолжила

спать. Она толкнула её сильнее, но та не отозвалась. Эшли в испуге подошла к другой кровати и толкнула спящую на ней девочку, но та также продолжила спать как ни в чём не бывало. Эшли в отчаянье крикнула, но никто не ответил.

Мёртвую тишину нарушил звук открывающейся двери. Эшли сразу же спряталась под кровать. Голова от резкого движения заболела, но она стерпела приступ боли и, дрожа от страха, ждала, когда существо уйдёт. Дыхание участилось, Эшли почувствовала, что вспотела. Под кроватью девушка увидела потёртые огромные ботинки. Существо носило мешковатые чёрные штаны, из-за чего невозможно было ничего разглядеть. Оно передвигалось очень громко и долго стояло посередине комнаты. Через несколько секунд, которые казались Эшли вечными, существо медленно развернулось и ушло.

Эшли долго лежала на грязном полу. Она боялась выходить, тем более за стеной до сих пор слышался громкий топот.

Оно куда-то шло.

Девушка тихонько выбралась из-под кровати и прислонилась ухом к двери.

Ничего.

Эшли обернулась. Все спали, как будто ничего не произошло. Как будто никто не заходил...

Приоткрыв дверь, Эшли осмотрелась по сторонам в надежде увидеть хоть кого-нибудь из взрослых. Но никого не было. В коридоре было тихо.

Эшли вышла из палаты и посмотрела в сторону, куда ушло существо. Дверь на пожарную лестницу была открытой. Девушка, как будто под гипнозом, пошла за ним, хотя в глубине души понимала, что лучше вернуться в палату. Однако ноги сами шли за неизвестным существом.

Открыв дверь в холодный коридор, она прислушалась. Существо куда-то спускалось. Эшли аккуратно посмотрела вниз, но никого не увидела. Она стала спускаться, сама не понимая, зачем это делает. Эшли надеялась, что хоть кто-то её поймает и унесёт обратно в палату.

Звуки топота привели её на последний этаж. Эшли на минуту застыла и вспомнила вчерашнюю страшилку. Всё повторялось. Она хотела убежать, закрыться в палате, спрятаться под одеялом.

Но...

Руки, будто ими кто-то управляет, открыли дверь. Впереди показался длинный коридор с толстыми трубами на стенах. Эшли пошла вперёд. Казалось, он был бесконечный. Однако чем дальше она шла, тем жарче становилось. Эшли не понимала, почему становится всё теплее и теплее, пока не дошла до огромной дыры в полу.

Эшли посмотрела вниз и почувствовала адский жар. Ничего не было видно, кроме камней, которые освещало красное пламя. Прямо как глаза того жеребёнка, из-за которого она упала с чёртовой лестницы.

«Ну конечно! Глаза!»

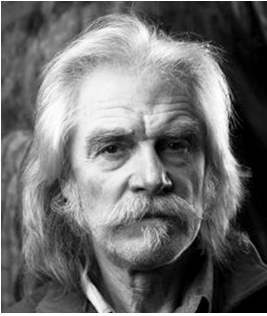
Эшли вспомнила, что испугалась жеребёнка с огненными глазами, и, попятившись, не почувствовала, что за ней была каменная лестница. И упала.

Как же она могла это забыть?

Послышался громкий стук. Ещё один. И ещё. Как будто стучали киркой по камню.

«Неужели это правда? Под больницей находится шахта?»

Эшли наклонилась ещё ниже и почувствовала запах влажного камня, грязи и костра. Сзади послышался смешок. Эшли обернулась. Страх от увиденного был настолько сильный, что девушка не смогла издать ни звука. Хотя вряд ли бы её кто-то услышал. Огромная нога чудовища больно ударила её по животу, и она не смогла удержаться. Эшли упала вниз и почувствовала жар адского пламени.

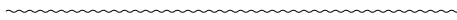

СЕРГЕЙ БУСАХИН

Прогулка

Бывают дни, когда всё валится из рук и появляется желание сидеть бистуканом и тупо смотреть в окно. Вот и у меня, совершенно обалдевшего от бесконечных и многокилометровых экскурсий с любознательными туристами по острову Валаам, случился такой день. Я жил на чердаке хозяйственного корпуса Воскресенского скита, где в единственном небольшом сводчатом окне маячили только верхушки сосен и елей, и потому тупое сидение у окна никуда не годилось, а вот одинокая и неспешная прогулка могла бы вернуть мне моё обычное деятельное состояние, и я, недолго думая, отправился, как говорится, куда глаза глядят. Глаза глядели в лес...

Я бродил по многочисленным лесным тропинкам, пытаюсь переступить через всюду снующих муравьёв. Комары не вызывали у меня подобной симпатии, и при каждом их подлом укусе я не задумываясь ударял в укушенное место. Некоторые комары, обладая быстрой реакцией, спасались, а неосторожные – падали, сражённые ударом, на тропинку. Их тут же подхватывали вездесущие муравьи и волокли в своё подземное царство.

Бусахин Сергей Васильевич родился и живёт в Москве. После службы в армии работал в научно-исследовательском институте (ВНИРО), где регулярно участвовал в многомесячных экспедициях по Мировому океану. С 1984 по 1989 годы учился в ЗНУИ на отделении станковой живописи и графики. С 1990 года состоит в Творческом союзе художников России и Международной федерации художников. С 1985 по 2007 годы каждое лето ездил на остров Валаам, где писал этюды и картины, а также работал экскурсоводом. В настоящее время занимается живописью.

«Надо же, – думал я, – ведут себя как люди: тоже в суете жизнь проходит и про запас пищу откладывают, причём всё это продельывают деловито и согласованно. Вот и по тропинке, будто по проспекту, гуськом бегут в обе стороны, видимо, считая её своей главной магистралью, а неподалёку муравейник высится среди травы, похожий на “вавилонскую башню”, в которой их руководители сидят – командуют и ждут от них новостей. Люди же ходят по этим муравьиным магистралям-тропинкам, не замечая этой удивительной цивилизации братьев наших меньших, и бездумно давят их своими ножищами. Муравьи оттаскивают раненых или убитых собратьев в стороны и продолжают свой загадочный и бесконечный путь».

Насмотревшись на беспокойную цивилизацию муравьёв, я продолжил свои меланхоличные блуждания по острову и не заметил, как забрался в самую чащу, которая встретила меня смолистыми лесными ароматами, пением птиц, треском сучьев и успокаивающей тенью. Всюду сияли мох и лишайник, покрывавшие стволы столетних деревьев и ледниковых каменных валунов, цветы всевозможных видов и окраски тянулись к солнцу, а грибов – так много, что и собирать их пропадает желание, а только хочется любоваться ими, представляя их маленькими лесными гномиками, живущими своей лесной и таинственной жизнью. Вокруг сосны – до небес, ели «в юбках», сияющие белизной берёзы, ладаном пахнущий можжевельник, и откуда-то издали доносится благовест...

Вдруг слышу: кто-то на свистульке хаотично засвистел – визгливо и противно. Выхожу на широкую поляну – праздничную, благовонную, всю залитую солнечным светом, а на пеньке сидит пастух и отрешённо дует в самодельную дудку, вокруг него сгрудились коровы, и вместо того чтобы пастись, удивлённо слушают визгливые звуки. Подхожу к нему, специально треща валежником, чтобы он задумался и прекратил уродовать природу своей музыкальной самодеятельностью, а он так увлёкся сочинением визгливой мелодии, что ничего вокруг не воспринимает – полностью отрешился от окружающей его божественной действительности и от вверенных ему монастырских коров – тоже.

– Где это, мой друг, вы так приобщились к музицированию, даже коровы, вместо того чтобы усиленно питаться, увлеклись вашими оригинальными звуками?

Тут пастух очнулся, перестал дудеть, отчего коровы тут же принялись разбредаться по поляне и жадно щипать траву, а пастух-свистун, взглянув на меня, весело воскликнул:

– Я вас знаю! Вы на Валааме пейзажи рисуете – туда-сюда ходите, иногда вижу вас издалека и наконец сподобился вблизи увидеть, – видимо, воодушевлённый своим музыкальным сочинением, радостно произнёс он. – Я сюда летом из Питера приезжаю и в монастыре трудником работаю. Пастухом, стало быть, заделался. А это, – кивнул он на самодельную свистульку, – моё хобби. В консерваторию не приняли, так хоть здесь душу отвожу... А вы, наверное, уже весь остров исходили?

– Какое там! Я сюда много лет приезжаю, и до сих пор есть места, в которых я не бывал. Тут такие буреломы встречаются, что пройти просто невозможно, да ещё ржавая колючая проволока то и дело попадается – после войны с финнами осталась... Я ведь ещё экскурсоводом здесь работаю, и мне интересно узнать, если, конечно, это не монастырский секрет, сколько сейчас коров за обителью числится? Туристы меня просто замучили этим вопросом. Один турист так обиделся на меня, не узнав о численности здешнего стада, что даже отказался купить у меня этюд. Так и сказал: «Раз вы такой простофиля, то и сделки между нами никакой не будет, потому как расстроили вы меня очень, не ответив на столь злободневный вопрос!» Вот ведь какие принципиальные пилигримы на остров приезжают.

– Представляю. Я от них только своей дудкой и спасаюсь, а насчёт бурёнок никакой тайны нет: тридцать три коровы в стаде, и только восемь из них – дойные. Зато в сутки одна такая корова даёт сорок пять литров молока! Остальные – пока тёлочки. Бычки ещё есть, но их на мясо пускают для рабочих, которые подвизаются в монастыре.

– Тридцать три коровы? Это ваше начальство, видимо, «Мэри Поппинс» привет передаёт, а вас подрядили мотив песни про тридцать три коровы подобрать?

– Я не знаю, кому там монастырь приветы шлёт и кто такая «Поппинс», прости Господи, – обиделся пастух, – а свои уникальные мотивы я сам придумываю и в свет выпускаю без распоряжений всякого начальства.

– Не обижайтесь, это я ассоциативно про фильм вспомнил, в котором про тридцать три коровы пели. Довольно весёленькая песня была.

– Не понимаю, о чём вы говорите. Я уже давно изучаю только свой внутренний мир и всячески сторонюсь влияния извне, а фильмов – тем более, поэтому и на этот уединённый остров стал приезжать для самоуглубления. Не уверен насчёт пострижения, но хочу в конце концов на ПМЖ сюда перебраться. Здесь люди простые, жизнь ведут неспешную, как бы в полудрёме: и ходят, и работают, и разговаривают спокойно и рассудительно, с философским уклоном. В городе – слово не скажи: или мимо злобно пробегут, а то и не постесняются в морду засветить, если, не дай Бог, поздороваешься с ними. Разве так можно жить? Обязательно на Валаам перееду.

После этих слов он задумчиво поднёс свистульку к губам и растворился в своём музыкально-визгливом мире. Я же, довольный полученной информацией, продолжил своё движение и спустился к реке Иордан, куда мы постоянно ходим с Лео на этюды. До знакомства с ним я довольно равнодушно относился к скальным образованиям. Меня, как родившегося в средней полосе России, увлекали тогда леса, луга, равнины с холмами, поросшими лесом, реки с их мистическими затонами. Например, река Сходня – наш «Барбизон» – так мы называли это место с моим незабвенным другом юности и собратом по живописи Васей Степановым. Когда же я познакомился с Лео, потрясшим меня своей необыкновенной живописью, тут уж он меня заразил своей любовью к скалам, валунам и другим выразительным поднятиям земной коры, трактуя их в своих картинах как природные архитектурные сооружения. Вот на этой реке Иордан, соединившей Генисаретское озеро с озером Мёртвое море, таких выпуклостей и поднятий оказалось видимо-невидимо. В этот раз я был без этюдника и, исступлённо пробираясь вдоль берега, внимательно рассматривал любимые объекты моего друга, чтобы в следующий наш приход в это романтическое место я мог бы незамедлительно приступить к живописи, а не бродить, без толку теряя время в поисках мотива. Здесь я никого не встретил, протискиваясь между устремлёнными ввысь скалами, преодолевая поваленные деревья и обходя кустарники, которые своими корявыми сучьями постоянно цеплялись за одежду, словно желая разодрать её в клочья... В очередной раз перелезая через поваленное замшелое дерево и освобождая куртку от сучьев кустарника, я вдруг почувствовал, что пресытился буреломами и камнями и мне пора посетить Иосафатову долину, чтобы отдохнуть там душой и телом среди цветов и луговой травы.

«Когда находишься в таком месте, как Иосафатова долина, сразу становится ясно как Божий день, что вот он – Рай, о котором столько лет тоскует человечество и, не ведая того, постоянно создаёт себе Ад: войны, революции, перевороты, национальные конфликты, кухонные разборки и пьяные драки, а уж про городскую жизнь я и говорить-то не стану. Я же вижу, как преображаются люди, попадая из омертвелых городов на лоно природы: как молодеют их лица, светлеют глаза, радость и энергия наполняет их ослабевшие организмы, душа пробуждается и появляется долгожданная любовь к ближнему. В этом великий смысл жизни: пройти городские круги Ада, чтобы оказаться на Валаамской Иосафатовой долине – в Раю», – такие мысли возникли в моей голове, когда я сладостно, со слезами на глазах приняхивался к луговым цветам и травам. Ко мне подходили пасущиеся кони и, шумно дыша, протягивали ко мне свои красивые длинные головы и забавно фыркали, шлёпая мягкими и тёплыми губами, от них пахло скошенной травой и конским потом. Я дал им хлеба и пошёл дальше, а они ещё долго провожали меня, глядя своими добрыми бархатными глазами. Я бродил по Иосафатовой долине, мечтая о всеобщей любви. «Бог есть Любовь. И пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём». Вот что такое Иосафатова долина на Валааме. Гляди-ка – вон и ангел пролетел! Куда это он направляет свой ангельский полёт: светозарный, лучевой? Летит себе в дали небесные, глубины необъятные. Людям неприкаянным знак подаёт. И означает сей знак: «Люди, будьте Людьми! Вы же все – Божьи создания!» Однако мало кто реагирует на такие ангельские знаки. А что ангел? Ангел пролетел, а мы тут остались...

Не успел я насладиться блаженным пребыванием в Иосафатовой долине, как разразилась гроза: гром грохочет, молния сверкает, ливень просто тропический, я забрался под столетнюю раскидистую ель и, радуясь разнообразию земной жизни, вдруг замечаю: по Монастырской дороге под проливным дождём идут босиком две жизнерадостные девушки. В руках они держат свои модные туфли с высокими каблуками и хохочут весело и задорно и о чём-то оживлённо беседуют. Шлёпают ногами по лужам, как маленькие дети. Чувствую, что им так легко и радостно, будто сам дождь помогает им в этом, создавая гармоничное и счастливое состояние души, и они догадались, что в Раю находятся, а с небес Святая вода льётся. Глядя на них, я не колеблясь вышел под Святую воду и по той же дороге

отправился дальше, восторгаясь дождевыми струйками, бежавшими по моей шее и далее – по всему телу. Вскоре дождь кончился, и я свернул на тропинку, которая вела к Местности Кукко, куда мы с Лео тоже довольно часто ходим писать этюды и картины, и не только в память о нашем великом пейзажисте Иване Шишкине, который создал здесь свою знаменитую картину «Местность Кукко», но и потому, что место это было в высшей степени живописно и разнообразно по ландшафту: стоит сделать буквально несколько шагов, и твоему взору открывается новый потрясающий вид, а нам, пейзажистам, только это и надо. В первый же наш приезд на Валаам мы пришли сюда писать свои картины. Над нами тогда висела табличка, которая сообщала об этом важном эпизоде из жизни нашего великого живописца. Сейчас её уже не было, но сам вид совершенно не изменился, даже берёза с тем же изгибом растёт на том же месте, что и у Шишкина на картине.

На обратном пути вдруг подул ветер и поднял тучу каких-то жёлтых семян, рассеивая их повсюду, и тропинка, по которой я шёл, выглядела сияющим жёлтым серпантинном, вьющимся среди лесной чащи, порой исчезая в зарослях розового вереска... Неожиданно за поворотом я увидел местного жителя Валеру. Он родился на Валааме и никуда ни разу не выезжал с острова и обо всём, что происходило в мире, судил по «вчерашним» газетам и телевизору. Он стоял напротив покрытого лишайником древнего валуна и со злобным ожесточением швырялся в него грибами, которые нервно вынимал из корзины. Когда грибы закончились, он с отрешённым видом подошёл к валуну и, закрыв глаза, притиснулся к нему, обняв руками, как бы извиняясь за свою несуразную выходку. Этого Валеркиного обряда я не знал и, решив, что он от нечего делать так развлекается, нарушил лесную тишину предупредительным кашлем. Открыв глаза, Валера с радостью оторвался от предмета своего зверского нападения и тут же принялся сообщать мне последние новости о «мировой закулисе», которая каким-то образом уже многие годы мешала ему жить на острове, и поэтому он ненавидел её всей душой, но толково объяснить, что это за «закулиса» такая и как ей удалось в этой провинциальной глубинке отыскать именно Валеру и бесцеремонно опутать его своими «щупальцами», никак не мог. Просто ненавидел – и всё тут. Сегодня сведения о том, что в очередной раз натворила в мире эта «злая» иностранная организация, не входили в мои планы.

– Из тебя вышел бы классный политолог, – остановил я его полтинформацию, – если бы только ты так запойно не увлекался рыбной ловлей и катанием туристов на моторной лодке по древним монастырским каналам. Уж больно ты изощёренно в политике разбираешься. Кого хочешь в этом деле за пояс заткнёшь. Это ужасное мировое образование мы потом обязательно с тобой обсудим, а сейчас лучше расскажи, что у вас в посёлке происходит, – при этом я опять сослался на не в меру пытливых туристов.

– Выселяют нас с острова – вот что! – возмущённо, со слезами на глазах произнёс Валера. – Я как подумал об этом, так все грибы в знак протеста из корзины повыбрасывал и на этом останавливаться не намерен, а ещё и голодовку объявлю... может быть. До чего дошло! Монастырь наладился строить благоустроенные дома на материке для жителей посёлка, и нас постепенно туда переправляют на постоянное место жительства, а я не хочу отсюда уезжать. Как я со своей малой родины могу уехать? Тут останусь. Юродивый Васька, хоть и не здешний, а тоже меня поддерживает...

– Кстати, как он поживает? Что-то давно с ним не общался. Живописью-то занимается или тоже грибы на зиму собирает да колкой дров подрабатывает?

– Всё успевает, наш пострел везде поспел, как в народе говорится, и в кино снимается, в котором всё белых офицеров расстреливает, и за грибами ходит, и дрова рубит, и свои страшные картинки втюхивает туристам. Уже считает себя художником «с мировым именем», раз иностранцы его мазню покупают. Теперь на пристань выходит с плакатом, на котором написал восторженный отзыв о его так называемом творчестве какой-то искусствовед из Эрмитажа, и перед туристами хвалится. «Без рекламы, – говорит, – сегодня не обойдёшься. Реклама – двигатель торговли!» Так прямо и говорит. При этом врёт, что нарасхват его картинки идут. Что же касается «мировой закулисы»...

Услышав знакомую «песню», я понял, к чему он клонит, и, пообещав обсудить эту животрепещущую тему в следующий раз, поспешил отправиться дальше, наслаждаясь тишиной, нарушаемой только пением птиц, доносившимся из чащи леса, барабанной дробью прожорливого дятла да отдалённым перезвоном монастырских колоколов, звучание которых наполнило мою душу благодатью и любовью ко всему существу на земле, даже змея-гадюка, свернувшаяся в серебри-

стую спираль и зорко наблюдавшая за мной, подняв свою острую и хищную головку, показалась мне родной и близкой. Немного погодя я вышел к придорожному поклонному кресту. В этом месте дорога круто поворачивала к монастырю, и пройдя по ней около километра, я оказался у Монастырской пристани, где на лавочке рядом с Благовещенской часовней устроился пьяный Митяй. Голова его то и дело клонилась на грудь, глаза закрывались, и казалось, что вот-вот, и он свалится на землю, ещё не высохшую после дождя.

Чтобы удержать его от падения, я подошёл к нему, сел рядом и стал ждать, когда он начнёт падать, но падать он, как видно, не собирался, а, туманно взглянув на меня, произнёс заплетающимся языком:

– Ты, Сергунька, человек не здешний, потому и природу нашу срисовываешь, а мне она уже не доступна, потому как привыкший к ней, поэтому – вот что рекомендую тебе сказать: я когда откупоривал вторую бутылку, градусник за окном показывал шестнадцать градусов на этикетке, значит, Сонька продавала «Земфиру» по восемьсот семьдесят семь за бутылку. А сегодня, непросохший, зашёл в магазин за опохмелкой и, как ты себе мыслишь, что я там узрел? Сухое Советское шампанское по две с половиной тысячи – за бутылку! Ты понял, братушка, о чём я тебе толкую? Это тебе не природу срисовывать, тут понятие надо иметь.

– Да, – говорю, – понял: сегодня 31 августа 1993 года. Спасибо тебе, Митяй, за такое толковое напоминание. Даже удивительно, как ты упрямо, словно нанятый летописец, не упускаешь из виду уходящие в бесконечность дни Валаамской жизни. Это не каждому дано. Тут без особого дарования не обойтись.

– А то! – обрадовался «летописец». – Я в таком состоянии и дымоход могу кочергой прочистить, а уж градусы подсчитать – это само собой. Меня больше всего удивляют люди, которые только минеральную воду пьют. Я и поговорить-то с ними за жизнь не могу, а уж про философию я вообще молчу...

Солнце перекаатило на вторую половину дня, но светило всё так же ярко и обжигающе. Убедившись, что Митяй прочно занял своё «место под солнцем» и опять ушёл в мир грёз и иллюзий, я со спокойной душой оставил его и, пройдя мимо ряда столетних лиственниц, поднялся по гранитной лестнице к Спасо-Преображенскому монастырю. Мною овладела непонятная грусть, и, чтобы как-то отвлечься от этой напасти, я решил зайти в гости к юридивому Василию.

Он не удивился моему приходу и гостеприимно усадил в полуразвалившееся кресло, которое, как он восторженно и хвастливо сообщил, кто-то «за ненадобностью» выбросил на помойку, а он немедленно притащил его в свою келью, и что её оно «не только значительно украсило и подчеркнуло домашний уют, но и стало почётным местом, куда не грех и гостя поместить». Сидя на правах гостя в уютном кресле, я с интересом наблюдал, как крепыш Вася, гордо выпячивая грудь, бродил босиком по дощатому полу маленькой монашеской кельи восемнадцатого века и, ни к селу ни к городу хохоча, жаловался, что только что попарил ноги, а насморк всё никак не проходит, потом сел на скрипучую железную кровать и, запрокинув голову, не раздумывая, залил в нос луковый сок, который надавил перед моим приходом. «Чтобы продрало как следует», – объяснил он со слезами на глазах. Придя в себя после «радикального народного средства» и периодически шмыгая носом, Василий пустился в длинные рассуждения о своих жизненных «коллизиях»...

– Когда какой праздник случится, – жизнерадостно повествовал он, – выйдут мои весёлые соседи и поднесут мне стакан суррогатного винца. Я выпью, а они смотрят: прошибло меня с одного стакана или нет, если нет, то ещё налью для своей забавы. Вот ведь как приходится выкручиваться для мирного соседского существования. При таком повороте жизненных встреч душевного покоя не приобретёшь, тем более что у меня дверь без замка, а разбитое окно куском оргалита заставлено, так что, как видишь, полного уединения не получается. Тут как-то вышел во двор, постоял сиротливо, чтобы тоска житейская прошла. Но на её место мировая скорбь вдруг привалила. Задумался я: почему в сумрачные жизненные моменты я такими мыслями мучаюсь? Может, меня в дурдоме не долечили или Валерка меня международной политикой замучил, а я всё же как никак мировым художником становлюсь. Иностранцы наладились то и дело мои картины покупать. «Ленфильм», опять же, меня в военных эпизодах пока рядового солдата играть приглашает, а там, глядишь, и главную роль сыграю, например, какого-нибудь главнокомандующего. Чувствую, что я и на такое способен. Только эти надежды и держат меня на плаву Валаамской жизни. Наверное, не случайно я на этом далёком острове оказался.

И словно бы в подтверждение его слов, сосед за стеной заорал песню «Вдоль по матушке по Волге...» и в такт принялся колотить кулаком в стену так, что в Васькиной древней комнатухе отовсюду

штукатурка посыпалась. Когда песня закончилась, за стеной зазвенели стаканы и несколько человек довольно фальшиво, но с чувством запели: «Боже, царя храни...», – после чего вновь зазвенели стаканы, и кто-то заиграл на трубе неизвестную музыку, и хотя трубные звуки напоминали боевой клич африканского слона, чувствовалось, что этот концерт трубачу по душе и на этом он не собирается останавливаться.

– Видишь, в каких условиях будущему народному артисту выживать приходится и вдохновение приобретать, – хохочет Василий, – и так с утра до вечера, потому и книги исключительно по ночам удаётся читать. Только не говори мне, что «Бог терпел и мне велел». Я и так уже натерпелся...

Я не стал ему этого говорить, и, сославшись на то, что скоро наступит темнота, а мне ещё предстоит топать шесть километров до Воскресенского скита, попросившись, вышел во двор, но только подошёл к Святым воротам, как навстречу мне попался протрезвевший Митяй.

– Курьёзная жизнь, понимаешь, возникла, – удивлённо проговорил он, – мне вдруг почудилось, будто надо мной ангел пролетел с трубой, и так он сладостно протрубил свою небесную мелодию, что я тут же протрезвел и пошёл в клуб на «дискуссию о главных проблемах нашей страны и за рубежом», а её, оказывается, отменили, так как лектор третий день именины празднует. Раз свободное время образовалось, вот иду у Соньки «Земфиру» покупать...

– Митяй, – перебил я его, – скажи-ка мне на милость, зачем ты себя этой гнусной «Земфирой» так безрассудно истязает?

– Я ей злоупотребляю из-за переживания: Сонька мне проболталась, что скоро на Валааме только иностранными напитками будут торговать, а я не желаю, чтобы на нашем здоровье иноземный капитал процветал. Потому в знак протеста и трачу на неё свои кровные.

– Вот и юродивый Василий тоже протестует, – говорю я пригорюнившемуся Митяю, – из своей кельи не выходит да книжки по ночам читает.

– Если бы так! Он фрондёрствует по отношению к местному населению и в своём личном мире устроился, а что вокруг происходит, ему невдомёк. Живот у него пучит от Советского шампанского – вот что! На радостях, что иностранные туристы купили его мазню, сразу две бутылки одолел. Оно и понятно: кто же его в дурдоме шампанским поить будет. Слава Богу, что здесь как-то к жизни приспособился.

– Как же ты, Митяй, после таких безрадостных новостей умудряешься сохранять душевное спокойствие да ещё интересоваться зарубежными новостями?

– Уж такой я молодец: оптимизмом до краёв наполнен – оттого-то и жить мне в удовольствие! Я тебе больше скажу: как-то с умным заезжим профессором пообщался, так он, представляешь, после нашего с ним разговора науку свою забросил, уехал в дальний совхоз и там пастухом заделался. Тамошний народ его сразу зауважал, потому как человек на своём месте оказался.

– Даже не верится, что профессор мог отмочить такое, – удивился я, – но в романтике ему точно не откажешь. Мне ещё вот что интересно: раз «дискуссию» отменили, что ты сам думаешь о «мировой позиции народов» на данном отрезке нашего странного существования?

– Я думаю, что за прошлые грехи платить всем придётся, потому как идеальных людей не существует, а что касается «мировой позиции», то отвечу кратко: в западном мире всё иллюзорно и рабски устроено, и просвета там пока не наблюдается, потому как тамошний народ настолько привык к подневольному существованию, что радуется неизвестно чему и считает себя самым свободным народом на свете. Главное, Сергунька, чтобы ты это знал и настраивал себя на любовь и заботу о своём ближнем. Это словно чудесная болезнь – передаётся от одного человека к другому. Вот ведь как всё просто... Но, как видно, сегодня человек быстрее свиным гриппом заболеет, чем любовью к ближнему, – заключил Митяй и отправился за «Земфирой».

Возвращаясь в Воскресенский скит по Монастырской дороге под впечатлением от прожитого дня, общения с природой, людьми – такими странными, своеобразно мыслящими, живущими, на первый взгляд, простой, но по-своему замысловатой и интересной жизнью, – чувствовал и свою значимость в этом мире. Ведь Бог дал человеку жизнь, и каждый человек на земле выполняет Божественную работу, таким образом, получается, что пастух – равен профессору, и профессор, открыв для себя эту вселенскую истину, и, видимо, «ни сном ни духом» о рабстве европейцев, решил стать пастухом, наивно полагая, что его поступок непременно осознают все «прогрессивные люди» и взапуски, обгоняя друг друга, бросятся за ним вдогонку. Рабам же свойственно восставать против своих поработителей – всему своё время...

Я сижу на берегу Ладожского озера и смотрю, как солнце, огромное, сияющее, медленно опускается к горизонту, оставляя за собой розовато-серое, с фиолетовым оттенком небо. Красно-оранжевая солнечная дорожка на сиреневой воде, мерцая и постепенно укорачиваясь, начинает угасать. Вот солнце почти скрылось за Порфирьевским островом. Тени от скал темнеют и весомо ложатся на застывшую воду. Каменные берега острова словно теряют свой вес, тают и сливаются с надвигающейся тьмой. Чайки белыми и чуть розоватыми пятнами усеяли луды и пока ещё ворчливо галдят, словно недовольные приходом ночи. Постепенно усиливается ветер, заставляя трепетать молодую берёзку, каким-то чудом выросшую на каменной луде...

Рано утром разразилась сильнейшая гроза: молния, гром, ливень. Ветер отламывал громадные ветви и носил их по воздуху, словно пушинки, выворачивал с корнем вековые ели, а сосны ломал, как спички. Гроза пронеслась за считанные минуты, но ручьи напоминали горные потоки и, смывая красную землю, обнажали древние потрескавшиеся скалы. Вскоре появилось солнце и высушило землю. Запели птицы. На Валааме начинался новый день.

АНДРЕЙ КЛЫПИН

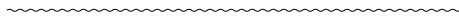
Эпизод из жизни богемы... Художник С.

Художник С. был весьма экстравагантным человеком. Это проявлялось как в искусстве, так и в быту. И так как всё, о чём будет рассказано ниже, происходило в его квартире, тире мастерской, дадим этому помещению некоторое описание.

Его квартира не была классической мастерской, скорее, это было нечто, похожее на жилой сарай, но в то же время, побывав здесь и узнав, что это жилище художника, гость делал вывод: помещение оформлено так специально, а более просвещённые давали этому определение – в стиле «авангард».

Помимо самого С., на данной жилой площади проживала собака по кличке Семёныч. Той редкой породы, которую за границами нашей страны не хотят вносить в научные книги о *Canis familiaris* (что в переводе с латыни означает «Собака домашняя»), под названием дворняга.

Семёныч – умный пёс, который своим голубокровым собратьям фору мог дать спокойно. Например, если хозяин был без обуви в

Клыпин Андрей Геннадьевич автор ряда персональных сборников стихотворений, участник многих поэтических сборников и альманахов, автор рассказов. Его стихи и проза неоднократно печатались на страницах журнала «Свет столицы» начиная с 2021 года.

Полковник в отставке, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса.

квартире, пёс везде носил за ним тапочки, причём оба одновременно.

Когда же по сигналу привезённого из Англии... Нет, выразимся элегантнее: когда же по сигналу привезённого с берегов туманного Альбиона будильника в виде британского полисмена, произносившего в назначенное время: «Good morning, Baby!» – наступало время бритья, умный Семёныч запрыгивал на стиральную машину и доставал пастью пластмассовое декоративное ведерочко, где были сложены цирюльные принадлежности: станок для бритья, помазок, т.е. кисточка для бритья, и пена в аэрозольном тюбике. В этом же ведёрочке находилась туалетная вода с надписью «fog men», не будем уточнять название этого ароматного произведения французской парфюмерии, дабы не вступить в противоречие с особенностями какого-нибудь закона о рекламе. Крепко зажав ведёрочко зубами, пёс нёс его в комнату, где аккуратно ставил на стеклянный стол рядом с креслом, в котором С. любил отдыхать.

Обращаем внимание читателя на то, что доставка этого ведёрочка осуществлялась по сигналу будильника: «Good morning, Baby!» При этом самому С. не надо даже было напрягаться, чтобы давать ещё какие-либо ценные указания умному Семёнычу.

Ещё в квартире жил попугай Ляпа с мощным клювом, которым, на радость и забаву хозяину и его гостям, а себе, естественно, на пользу, разбивал орехи любой твёрдости.

Ляпа знал несколько не наших, т.е. не русских, слов и умел подражать звукам хозяина: от свиста до храпа. Можно даже сказать, что Ляпа специализировался на звуках, слова ему, видимо, давались труднее. Но он рефреном всегда повторял за будильником: «Good morning, Baby!»

Четвёртым членом коллектива, обитающего на данной жилплощади, была молодая обезьянка породы павиан-бабуин с уравновешенным характером (по этой причине таких обезьянок можно увидеть в некоторых зоопарках прохаживающимися среди людей). Звали обезьянку Селя.

В силу своей принадлежности к людям искусства и цеху художников, в частности, С. носил длинные, постоянно рассыпающиеся волосы, усы и бороду, такие, какие мы можем увидеть на автопортрете К. Брюлова. Усы и борода, правда, были погуще, чем у автора «Последнего дня Помпеи».

Всё это в наши дни именуется словом «имидж», а имидж, как известно, надо поддерживать. И художник С. поддерживал. Для чего периодически, а как минимум один раз в неделю, к нему приходила парикмахерша Лена, которая стригла волосы на его творческом челе, приводила в порядок усы и бороду, выбривая те участки лицевой части «имиджа» С., где это было необходимо. Для этого она густо наносила пену из аэрозольного тюбика, иногда при этом используя кисточку, а затем, мастерски работая станком, выравнивала усы и бороду.

Сначала Лена получала за это деньги, но это было давно, и уже несколько лет бритьё заканчивалось любовными утехами, так что фактически Лена была подругой С. Вероятно, она рассчитывала на что-то большее, но «клиент» пока ещё не созрел...

Когда С. работал над картинами, в квартире наступала тишина. Все её обитатели, каждый на своём месте, созерцали, как рождается произведение искусства. Попугай и собака замирали и смотрели не моргая. Обезьянка Сели тоже внимательно, не издавая никаких звуков, наблюдала за творческим процессом. Но природная сущность брала своё. В целом внимательно наблюдая за кисточкой, холстом и руками хозяина, Сели непрерывно чесала себя везде, где это можно, всеми своими конечностями, которые у человека называются руками и ногами (видимо, и у обезьян эти конечности называются так же, но автор не пытался это уточнить в научной литературе). Обезьянка ковыряла в носу, сосала пальцы, нервно взбивала себе шерсть на затылке, но глаз не отводила.

А ещё у художника С. была одна слабость. Иногда, не очень часто, он расслаблялся и входил в состояние, которое становится понятным, если к нему применить термин – запой. Ну, бывают у людей такие слабости!

Однажды С. и Лена вернулись с очередной тусовки в мире искусства. И было это под утро. Лена с помощью таксиста занесла безжизненное, по причине выпитого количества спиртного, тело друга в его гнёздышко, полупосадила-полууложила (опять же при помощи мышечной силы того же таксиста) на его любимое кресло и упорхнула, т.к. дома волновались родители. Потому что, как уже было сказано, наступило утро или почти утро рабочего для неё дня, да и от тела друга проку в данный момент никакого не было.

В это время спящий слугитель музы пребывал, что называется, в полной отключке, но храпел при этом, если сюда подойдёт это слово, классно.

Спустя некоторое время С. после пронзившей эфир его мастерской фразы «Good morning, Baby!» увидел не то во сне, не то наяву, как в дверь вошла Лена. Она почему-то взяла его рукой за подбородок и повернула сначала вправо, потом влево, после чего положила ладонь сверху на голову и пальцами покачала её. Прикосновения Лены были мягкими, пуховыми. После чего Лена начала брить С. Сначала в рот, нос и уши полезла пена. Потом почему-то по лбу, по волосам и по носу, а далее по бороде и усам Лена начала размазывать помазком крем для бритья, делая С. больно. Художник подумал (а люди, употребившие алкоголь и находящиеся, как мы выразились, в отключке, иногда не теряют возможность о чём-то думать), что, наверное, обиделась Ленка, вот и нервничает, злится.

Когда же наконец начался процесс бритья, то С. стонал и просил Ленку не делать больно.

Бритвенный станок двигался по лицу во всех направлениях, от губ через усы к носу, от правой щеки до левой, иногда сверху вниз – от виска до подбородка. Это была мука! А Ленка всё улыбалась, только рот у неё был шире, чем обычно, и без помады.

Наконец мучительные не то сон, не то явь, закончились и наступил сон обычный. Ведь всем известно, что большинство людей спят обычным сном.

Прошло довольно много времени. Художник С. проснулся, и чувствовал он себя не то чтобы плохо, он чувствовал себя ужасно. Но, поскольку это был настоящий запой, С., нащупав в кармане деньги, натянул на себя куртку и вывалился из квартиры.

Соседка тетя Лиза с собакой возвращалась после прогулки. Столкнувшись почти лицом к лицу с С., она издала крик, который тут же и потух в её открытом рту.

Однако ничего не понявший С. продолжил перемещаться в пространстве и, поддерживаемый с одной стороны перилами лестницы, с другой – стенкой, наконец благополучно добрался до выхода из подъезда.

Если бы С. был трезв, то он бы увидел широко раскрытые глаза консьержки тёти Кати, которая шептала: «Родненький, за что же тебя так?»

Но не успел С. выйти из подъезда дома, как в дверях столкнулся с Ленкой и художником П., которых моментально узнал и даже заметил ужас на их лицах...

Дома С. подвели к большому зеркалу, и П. сказал: «Смотри. Это ты! Узнаёшь?»

С. начал трезветь. У его ног с тапочками в зубах стоял верный пёс Семёныч с остатками пены на наполовину обритой умной собачьей голове. Наверное, он тоже видел страшный сон, где у Лены не было на губах помады. Неунывающая Сели тоже крутилась рядом.

И вдруг, в момент, достойный финальной сцены гоголевского Ревизора, все присутствующие услышали, как до этого молчавший попугай Ляпа с чувством собственного достоинства голосом британского полисмана, воплощенного в будильнике родом с берегов туманного Альбиона, произносит фразу «Good morning, Baby!», а Сели при этом схватилась за помазок ...

Бороду и усы сбрили полностью. Голову художника обрили наголо. Сложнее всего было с обрезанным носом и лбом. Заживало всё долго. И коллеги при виде С. соболезновали, думая, что это дело рук либо хулиганов, либо блюстителей правопорядка.

ВАСИЛИЙ ПОЛЯКОВ

Ямщиков начал читать на День рождения Мухиной

Стол располагался под яблонями. После тостов в честь хозяйки, Марины Петровны Мухиной, и её дня рождения, нескольких бокалов изысканных вин и обильного застолья компания приумолкла и расслабилась.

– А теперь давайте побалуем друг друга рассказами, – произнесла хозяйка, предвкушая удовольствие, и выразительно обвела глазами участников застолья.

Мужчины сначала напряглись, посмотрели друг другу в глаза, опустили взоры и слегка улыбнулись. И возраст, и положение, и прожитые годы позволяли каждому рассказать что-нибудь из своего опыта. Однако в присутствии своих жён, а тем более женщин, с которыми мужчины познакомились только что, приоткрывать свой опыт было опасно. Мужчины выжидательно замолчали.

Хозяйка мгновенно и правильно оценила ситуацию.

Поляков Василий Евгеньевич родился в Москве 4 июля 1938 г. Доктор медицинских наук, профессор, врач высшей категории, Почётный донор СССР. Академик Международной академии информатизации ООН и Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Автор свыше 700 печатных научных работ, в том числе 15 монографий, 2 авторских свидетельств, 1 товарного знака, 9 рационализаторских предложений. Издал 8 книг художественной прозы и стихов.

– Савелий Викентьевич, – обратилась она к врачу Ямщикову, близкому другу семьи, – у вас такой большой опыт и так много встреч с людьми самого разного круга...

– Медики обречены молчать. Они не имеют права выдавать чужие секреты и тайны.

Ямщиков пристально посмотрел в глаза хозяйке...

– А если вас просит дама, – произнесла Марина Петровна подчёркнуто капризным тоном.

– Хорошо, – неожиданно согласился врач. – Если вам будет не очень скучно, я расскажу историю, привлекая свой опыт.

Вдруг в глазах хозяйки мелькнул неподдельный ужас, но, сделав над собой усилие, она погасила взгляд и обворожительно улыбнулась.

– Надеюсь, ваш рассказ не будет касаться присутствующих?

– Конечно, нет, – твёрдо сказал Ямщиков. – Я дорожу доверием. Да и что я могу рассказать обо всех вас? К сожалению, мы так редко общаемся... А вообще, за каждую встречу я хочу сказать самое сердечное спасибо нашей дорогой новорождённой. Нет, нет, я не буду рассказывать о своей профессии и о несчастных больных. Я, пожалуй, расскажу о том, как совершенно случайно оказался втянутым в профессиональную жизнь театра. Раньше артистическая среда была мне совсем не знакома. А недавно, совсем неожиданно для меня, жизнь втянула в этот особый мир.

Как и всем непосвящённым, мне всегда казалось, что театр – это сплошной праздник. Я, конечно, понимал, что жизнь на сцене – это выдумка, некая ирреальность, если хотите – игра. Вышли на сцену особого таланта люди, произносят чужие слова, делятся чужими мыслями, передвигаются, шутят, хохочут, иногда поют, иногда танцуют, а мы смотрим со стороны и радуемся, когда узнаём знакомые и близкие нам ситуации. Всю закулисную сторону театра я, конечно, не знал. Но случилось так, что пришлось познакомиться поближе и с этим видом деятельности. И получилась некая законченная история. Прелюбопытная, знаете ли. Кстати, я её записал. Можно, я её прочитаю, чтобы не сбиться и избежать повторов?

Все гости Марины Петровны и сама хозяйка охотно согласились с этим предложением.

Тогда Савелий Викентьевич открыл свой чёрный портфель, достал папку и, развязав тесёмки, раскрыл её. Чтение началось.

... Выбежав из-под арки, Ямщиков ринулся через узкую улочку и, увернувшись от грузовика, невероятным усилием бросил своё тело вперёд. Со всего маху он врезался во что-то массивное и плотное, отпрянул назад, но сильная и властная рука рванула его на себя, буквально вытащив из-под колёс резко затормозившего автомобиля. Сзади послышались натужные ругательства, и, чтобы вновь не отскочить под колёса грузовика, Ямщиков всем телом прижался к прохожему и обхватил его руками за плечи.

– Ох, как рискуете, – мягко попенял встречный Ямщикову. И тут только Савелий разглядел и мгновенно узнал своего спасителя.

– Аристарх? Колянин? Прости, дорогой, как ты сюда попал?

– Господи, Савелий! Вот уж воистину «сколько лет, сколько зим...»

Казалось, что прошла целая жизнь с того времени, как они учились вместе в одной знаменитой школе в Большом Казённом переулке у Курского вокзала. А теперь Аристарх, оказывается, живёт в доме с арками на Соколе, первоначально, ещё в сталинское время, заселённом семьями моряков и летчиков-полярников.

Колянин был знаменит, и Ямщиков многое знал о его судьбе.

Ещё в школьные годы Аристарх, как и Савелий, проявлял интерес и преданность театру. Савелий был на год постарше, но был высоким худым моложавым юношей. Аристарх же примерно к восьмому классу вполне сформировался во взрослого мужчину. Был он среднего роста, плотным, широким. Большое вытянутое лицо с несколько обвисшими щеками и две симметричные залысины, манера говорить и двигаться неспешно, весомо, создавали обманчивое впечатление устоявшегося и длительно пожившего загадочного мужчины лет тридцати восьми.

Савелий помнил, как на школьной сцене они играли пьесу о болгарском революционере-коммунисте, роль которого исполнял Аристарх. В пьесе, конечно, была линия молодой возвышенной любви, но эпизодические выходы Аристарха перемещали акцент с отношений молодых влюблённых на осознанную романтику жизни законспирированного руководителя. Драматургия пьесы была сколочена крепко, попадание в роль Аристарха – точным. Он играл невозмутимо, уверенно и совсем незаметно к концу спектакля захватил зрителей – наших одноклассников. Взвешенная зрелость революционера оказала на смотревших тот спектакль молодых людей сильное эмоциональное воздействие. Перед её убедительностью отошла

на второй план и несколько растворилась романтика трагической любви молодых героев. Самые горячие аплодисменты достались Аристарху. И даже столько лет спустя Савелий ещё помнил, как он долго недоумевал по поводу успеха своего товарища, не вышедшего в образе за рамки своего я.

Где-то не так давно Савелий прочитал, что практически нет актёров, считающих себя менее талантливыми, чем их более успешные коллеги. Но и до сей поры Ямщиков не мог забыть, сколько же он перепробовал вариантов, чтобы сделать своего юного героя, так страстно любившего молодую девушку, почти девчонку, возвышенным, романтичным и органично живущим в предлагаемых обстоятельствах. А Аристарх в роли зрелого коммуниста-подпольщика переиграл его. И лишь совсем недавно он разгадал успех своего школьного товарища.

Создаваемый актёром на сцене образ не должен уж очень сильно отдаляться от его, актёра, внутренней сути. Исполняющему роль можно и нужно в чём-то обнажиться, приоткрыть самого себя, но ему ни в коем случае нельзя играть что-то придуманное и чуждое, не соответствующее своим скрытым возможностям, своему характеру. Завоевать зрителя в новых, предлагаемых жизнью и ролью обстоятельствах можно только собой. Вероятно, это самое трудное в актёрском деле.

Савелию очень нравился актёрский труд, но в жизни так сложилось, что он не пошёл в актёры, хотя все школьные друзья и учителя были убеждены, что им дорога уже выбрана. На самом деле свой жизненный путь Савелий выбирал долго и мучительно. В конце концов, он стал врачом.

А вот Аристарх поступил в Щепкинское училище, окончил его и даже какое-то время работал в Малом театре, хотя актёрских удач в молодые годы у него не было. Актёр – очень зависимая профессия. Для успеха всего лишь одного человека, актёра, нужно, чтобы твой театр встретил своего драматурга, а тот написал талантливую пьесу, которую бы решился ставить мэтр-режиссёр. Ещё важнее, чтобы режиссёр, уверовав в твои уникальные данные, предложил бы в этой пьесе хорошую роль именно тебе, так как в этой роли он не видит никого другого.

Актёру предстоит увлечься замыслом режиссёра, предложенным персонажем и вывернуть себя наизнанку до доньшка, пока роль не

засверкает теми драматургическими и актёрскими алмазами, ради которых в театр повалит благодарный зритель и разнесёт с помощью «сарафанного радио» по родным, знакомым и коллегам, что ты и твой образ состоялись, что ты талант и что не посмотреть сделанную тобой работу – просто преступно.

Но нужно и удерживать зрителя на самом высоком уровне самоотдачи и на первом, и на десятом, и на сотом представлении. А это умеют и могут далеко не все. Даже профессиональные актёры признаются, что повтор задачи начинает надоедать, что, в общем-то, скучно много раз повторять одно и то же...

И тогда человек начинает задумываться о себе, о своей профессии. Очень серьёзно задумываться...

Аристарх достаточно долго поработал на второстепенных и вводных ролях. А вот в обойму ведущих актёров ему попасть не удалось. Тогда он решил попробовать себя на поприще режиссёра. Его жизненный опыт, начитанность, общая культура, уверенность в своих силах соответствовали этой трудной профессии. Актёры понимали и принимали его руководящую роль в создании спектакля, но самостоятельной постановки он так и не получил. Мэтры добровольно готовят себе конкурента редко.

Аристарх понимал, что время уходит, а по-настоящему реализовать себя он так и не сумел. Решение пришло неожиданно. Ему вдруг пришло в голову попробовать себя в драматургии. Подтолкнул его к этому Ефим Крейцлер. Они вдвоём написали несколько пьес из жизни современников, и дело пошло – столичные театры поставили эти пьесы одну за другой. А потом Аристарх познакомился и сдружился с Михеем Барковским, Зелмой Кнауш, Виталием Чуксиным, Зиновием Петушенко, Стеллой Губадулиной, Кронидом Подвальнюком, Леопольдом Бронштейном, Василием Париковым... В такой компании талантов и вольнодумцев творческий человек растёт быстро.

Ямщиков вспомнил, как в одной из газет, посвящённой очередному съезду писателей, было напечатано, что Аристарха Ипполитовича Колянина избрали главой драматургической секции. Конечно, главный драматург страны – это очень серьёзно, и Савелий искренне порадовался за своего школьного приятеля.

И вот теперь случайное уличное происшествие буквально столкнуло Ямщикова с такой знаменитостью. Но надо отдать должное школе и увлечению театром. Савелий мгновенно уловил, что он чем-то очень

заинтересовал Колянина, – вероятно, своей профессией врача. Узнав, чем он занимается, люди потом часто обращались к нему за помощью. Ямщиков ожидал, что Аристарх вот-вот спросит его, нельзя ли помочь комуто из родственников, друзей, хороших знакомых. Но Колянин, профессиональный писатель и драматург, разглядел в лице и внешности Савелия такие перемены, за которыми со всей очевидностью скрывался большой и драматичный жизненный опыт. Глаза у Савелия всё ещё светились юмором и озорством, но совсем белая голова, резко прочерченные носогубные складки и опущенные вниз уголки губ были следами печали и больших переживаний.

Без ненужных разговоров Аристарх подхватил так неожиданно спасённого им приятеля под руку и затащил его к себе домой. Семья Аристарха отсутствовала. Они с Савелием оказались вдвоём с глазу на глаз. Выпили хорошего коньяку и несколько часов проговорили по душам. В конце их встречи Савелий узнал, что Аристарху предстоит серьёзный режиссёрский дебют в музыкальном театре. Колянин рассказал, что один из очень известных театров взялся поставить балет «Вирсавия». Красивую, колоритную музыку сочинил маститый композитор, хорошо известный даже Ямщикову, будущий спектакль увлёл главного дирижёра, о декорациях сговорились с замечательным художником, балетные примадонны просто мечтают показать себя в полном блеске и до сих пор интригуют за право исполнять в нём главные роли. На обсуждение музыки, режиссёрского плана, сценического воплощения замыслов художника, отдельных балетных партий и предполагаемых исполнителей, к сожалению, времени не хватило.

– Знаешь что, – сказал Аристарх, – возьми-ка домой либретто, почитай. Скоро начинаются репетиции. Будет здорово, если ты, уже зная всю событийную канву спектакля, поприсутствуешь на репетиции и подскажешь мне, что актёры делают правильно, а в чём, с твоей точки зрения, проскальзывают неточности, просчёты. Надеюсь, твоя любовь к сцене, театру не стала меньше за прошедшие годы?

– Конечно нет, – убеждённо ответил Савелий.

– Тогда у меня к тебе большая просьба, – доверительным тоном произнёс Аристарх. – Если встретишь в литературе что-то интересное про эпоху Давида, какие-то сведения о его жизни, о войнах, в которых он участвовал, как стал царём, с кем был дружен, с кем конфликтовал, как относился к женщинам, как он впервые увидел Вирсавию, восхитился ею, влюбился, какие в этот момент происходили события и как

они повлияли на судьбу Давида и Вирсавии, возьми это на карандаш. Ты, конечно, понимаешь, что мне, режиссёру, необходимо вооружить и себя, и исполнителей, с одной стороны, знанием, а с другой стороны, логикой событий. Понимаешь, о чём я говорю?

– Понимаю, понимаю, – ответил Ямщиков, начиная увлекаться тем, что, как он явно почувствовал, не давало покоя уже втянутому в будущий спектакль режиссёру.

– И потом, знаешь, – доверительно произнёс Аристарх, – вы, медики, ближе всех других к реалиям жизни. Вас на мякине не проведёшь.

Оба рассмеялись, дружески обнялись и расстались.

Продолжение в следующем номере

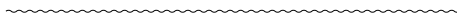
АНАТОЛИЙ СУСЛОВ

Туман

Туман. Густой до такой степени, что исчезает в нём ладонь вытянутой руки. Ноги совсем пропали из виду, словно утонули в молоке. Лишь их мускульное движение, осторожное нащупывание дороги по особо гладкой накатанности, шараханье от бугроватого неудобья поля, ошестинившегося острой стерней, давало знать – да, мы ещё здесь, с тобой, шагаем вперёд!

И вот Григорию показалось, что уже не идёт он, а плывёт в вязкой волглой тишине, облепляющей тело и душу со всех сторон. Слышен лишь шум в ушах, движение собственной крови. Время стало удлиняться катастрофически. Полная изоляция от мира, исчезновение всех признаков окружающей жизни и вообще всяческого бытия, кроме тверди под ногами, – всё это привело к растягиванию секунд в минуты, минут – в бесконечность. Чувство бесконечности времени и небытия пространства – как будто всё это происходит до сотворения мира...

В груди появилось и тут же застыло, как бы запеклось, чувство первобытного ужаса. Ни одной мысли в голове. Только механическое

Суслов Анатолий Петрович. Родился в Германии в семье военно-служащих-медиков. Окончил Второй московский медицинский институт им. Н.И. Пирогова. Профессор-иммунолог, доктор медицинских наук, заведующий лабораторией в НИЦ ИЭМ им. Н.Ф. Гамалеи. Автор четырёх поэтических книг – «Отражение», «Иное», «Симфония чуда», «Азбука души».

движение в густом тумане – шевеление ног и рук... И так – целую вечность. Куда идти? Зачем?

А изначально намерение идти заключалось вот в чём. Прошло уже почти полтора года, как Гриша с родителями переехал в маленький районный центр Забутово. Чем славится Забутово. Двумя активностями – крупный железнодорожный узел и огромный цементный комбинат. Железнодорожный узел вечно кряхтел, свистел и сопел, а цементный комбинат, на котором отсутствовали какие-либо очистные сооружения, окутывал город плотной завесой цементной пыли, летящей из высоченных труб, словно сажа из распахнутой дверцы прогоревшей печки, слезя глаза, забивая лёгкие струпами, покрывая одежду несчастных забутовцев серой липкой мерзостью. В школе, где Григорий завершал учёбу в одиннадцатом классе, всё было соответственно: учителя и ученики кряхтели, свистели и сопели, старинное трёхэтажное здание бывшей гимназии было покрыто серой цементной коркой, на болотно-зелёных стенах внутри нависали сизо-серые портреты классиков русской литературы, писанные неизвестным местным «талантом». В такой школе Григорию, отличнику, претендующему на золотую медаль, делать было практически нечего. Скука! Мало-помалу он пристрастился пропускать уроки или, по-простому, «сачковать». Благо время было какое-то разболтанное. Одно слово – хрущёвская О-Т-Т-Е-П-Е-Л-ь.

Стояла ранняя осень. Порой опускались густые утренние туманы. Григорий по обыкновению вместо школы направлялся на привокзальную площадь, толкался среди пристанционных киосков и магазинчиков, поглядывал на расписание автобусов. Обычно всё было просто. Сел на автобус, и через какие-то сорок минут из задолбанного цементной пылью захолустного городишки ты уже в областном центре вольного покроя.

Но вот именно сегодня, в последний сентябрьский день, всё почему-то пошло по-иному. Григорий собрал сумку с учебниками и тетрадями, совсем уж было направился в школу с примерным желанием учиться. Пройдя пару кварталов от дома, в густой атмосфере цементопыли петляя по дорожкам, протоптанным прохожими по обочинам непролазно грязной, разбитой грузовиками дороги, он вдруг остановился как вкопанный, поражённый новым внезапным острым чувством. Серая утренняя сырость, серая краска на домах и даже на фонарных столбах, серая корка на грязной колее дороги.

«Боже! – подумал Григорий. – Что за тоска!» И круто свернул в сторону с привычной школьной дороги.

Юноша решительно направился в просвет между домами, туда, где изумрудно светилось озимое поле, круто взметнувшееся на бугор, к посёлку, где жили работники цементного комбината. Где-то там, за бугром, в том самом посёлке была следующая от Забутово автобусная остановка. Как у алкоголика, который с неизбежностью сворачивает за бутылкой в магазин с любого пути, ведущего к праведной рабочей жизни, так и у Григория сегодня сработала неодолимая тяга в сторону от праведной школьной жизни к запойной сладости загула.

«Ещё очень рано, восемь утра. Доберусь-ка я до посёлка пешком, – подумал Григорий. – А там, на автобус и в центр, в тот самый мой городской парк! Даже лучше, не наткнусь на кого-нибудь из школьных, как бывало у автовокзала».

Гриша свернул на просёлочную дорогу. Дорога сначала взбиралась прямо на бугор, но потом почему-то забрала в сторону. «Это, наверное, в объезд, – подумал он. – Ну ничего, всё равно ведёт к посёлку. Больше некуда».

Однако Григорий ошибся. Дорога всё круче и круче изгибалась в сторону от посёлка. А тут стремительно стал падать густой туман. Неведомая дорога стала вдобавок ещё и невидимой. Таков был этот туман, густой, настолько густой, что стали невидимы ноги и протянутые вперёд ладони. Невыносимо тянулось время, пространство выступало в виде плотной, слегка клубящейся беспросветной стены. Григорий всё шагал и шагал, бесконечно долго и упорно, интуитивно находя дорогу, пока не устал окончательно, и ноги отказались, нащупывая дорогу, шагать дальше.

Наступила оглушающая тишина. Вокруг только серо-бело-клубковато-липкая непроницаемая тьма. Устоявшийся запах сырости уничтожил все запахи, затем исчез и сам. Ни-че-го! Душа помертвела, застыла. Только чёрная темнота внутри, и лишь что-то живое, тёплое, крохотный комочек, запрятанный где-то в глубине груди, – единственное оставшееся из всех чувств – чувство жизни, своей неповторимой, которой здесь, в душающем тумане, казалось, вот-вот наступит конец! Да ещё это – перепуганным зайцем прыгающее из стороны в сторону, бешено трепещущее сердце. Вот-вот оно уже остановится от ужаса вот так внезапно очутиться, пребыть на

границе небытия. Где я? Кто я? Забрёл? Заблудился? Он не догадывался, что тот момент, когда к горлу подступает отчаяние, а в теле торжествует бессилие, – отправная точка, начало сотворения его, Григория, нового мира...

Как всегда внезапно, произошло чудо. Разорвалась бесконечность времени, лопнула непроницаемость пространства. В стене тумана объявился изъян – рваный просвет. Мелькнул рыжий кусок жнивья. Он был какой-то неправильный, непропорционально увеличенный, словно Григорий рассматривал его в огромную лупу.

«Ага, это уже не то поле, озимое, а другое, сжатое. Куда это я забрёл?» – застучал в висках тревожный вопрос.

Новый изъян – новый просвет: из тумана, шевеля ветками, словно диковинный зверь, выступил придорожный куст. Он тоже был преувеличенно большой, яркий, словно только что вымытый. На разноцветных рыже-зелёно-бурых листьях жемчужно светились крупные капли росы. Внезапно объявился звук – где-то что-то звякнуло.

Процесс сотворения мира пошёл всё быстрее, всё активнее. Появилась перспектива, дорога стремительно росла вдаль, проявились кое-какие хозяйственные постройки: коровник, силосная башня, а также покосившаяся изгородь.

Наконец в тумане обнаружилось солнце. Вначале это был луноподобный диск, который мелькал, то появляясь, то исчезая в рассеивающемся тумане. И вдруг на весь окружающий мир обрушился всепоглощающий солнечный ливень. Сияющими брызгами и весёлыми лучами он смыл остатки тумана с поля, с лесопосадки, с внезапно обнаружившейся сельской улицы. И в тот же миг солнечное, молниеносно-ошарашивающее счастье воскресения после тягостно-удушающей тьмы и гибели в тумане – пронзило юношу.

Григорий обнаружил себя в совершенно новом, доселе неведомом мире села. Не того села, которое он видел из окна рейсового автобуса, а другого села, в которое он словно заново зародился из тумана. Этот сельский мир живо заглядывал на него своими хатами, придорожными деревьями, садами, словно хотел с ним, как со своим, заговорить. Однако солнечно-тёплый деревенский мир, как тот туман, стал быстро рассеиваться. Вот из коровника, густо мыча, выползло, растеклось по полю, как большая чернильная клякса, стадо коров. Вокруг стада с лаем носились собаки, вдали замаячила фигура пастуха в непомерно большом цементного цвета плаще. Какие-то

две бабы-сельчанки шествовали навстречу Григорию, шли, что-то крича друг другу, словно были не бок о бок, а находились на разных краях широкого поля. Бабы прошли мимо Григория, не замечая его, словно он всё ещё был запрятан в туман, всё так же гомозя ором на малопонятном местном говоре.

Странно-живописной показалась Григорию также и цепочка мужиков – сельских работяг. В чёрных бушлатах, в замасленных кепках, держа руки в карманах, а сигарку в зубах, звонко чвакая в грязи кирзовыми сапогами, молчаливой цепочкой прошествовали они мимо юноши, не замечая его, как и их односельчанки, словно тот был недостойным внимания ошмётком тумана.

Но эти бабы и мужики, не замечающие Григория в упор, почему-то всё равно казались ему давними знакомыми, даже близкими родственниками. Хотелось остановить их, заговорить с ними о чём-то своём, понятном с лёту, с полуслова, но очень важном, самом важном от сотворения мира.

«Как хорошо!» – подумал Григорий, глядя на обновлённый, немного странный и в то же время свойский сельский мир, который сменил оглушающую, отупляющую и опустошающую темень густого тумана. Он вспомнил, как из этого тумана вышли его руки, ступни. Стало возможным осмотреть их самому, взглянуть на них чужим взглядом. «Да ведь это же я, Григорий! – словно умылся волшебным светом, и вдруг из вязкой пелены ничегоневидения явился ясный обновлённый мир. – Очень хочется жить!» Туман рассеялся, гнетущая тьма внутри развеялась. Небо нежно сияло бездонной синевою. Вокруг стояли густые раскидистые раннеосенние ароматы. Деревенская тишина стала сочной, накатывала волнами разномастных, но стройно спевшихся звуков. Воскресшая душа его радостно улыбалась, даже посмеивалась, стала отзывчивей, чутче ко всему окружающему. Крохотная точка внутри – его живое тёплое «Я» – пустила ростки и побеги. Григорий совсем ненадолго впал в созерцание мироздания – внутри, вовне. «Да сам Господь теперь смотрит на мир моими глазами!» – воскликнул он. И тут же испугался своей неожиданной и такой простой, даже показавшейся весёлой, мысли.

Вдруг сзади Григория добродушно зафыркало какое-то огромное чудище. Оно почти уткнулось ему в спину, так что пришлось отпрыгнуть в сторону. Он оглянулся и увидел «газон» – окрашенный в тёмно-зелёную краску грузовичок с клювом-капотом, круто за-

гибающимися вниз. Грузовичок этот, как и всё вокруг, представилось Григорию совсем родным. Ведь ровно на таком же он возвращался с поля прошлой осенью, возлежа в кузове в сладкой, заслуженной трудами дреме на вершине горы с мешками, набитыми картофелем, собранным на колхозном поле.

Григорий вскинул руку, то ли приветствуя грузовичок, то ли пытаясь остановить его. «Газон» остановился.

– Что, подвезти? Куда путь держишь? – спросил высунувшийся из кабины вихрастый парнишка-водитель, наверное, ровесник Григория.

– Да, если можешь, подвези, – ответил Григорий. – А куда едешь-то?

– В центр еду, на овощебазу. Садись, если по пути.

Григорий забрался в кабину, низенькую, так что он почти касался её крыши головой. Сиденье было замасленное, затёртое до блеска. В кабине пахло бензином, машинным маслом, кожей, потом, в общем, той ядерной мешаниной запахов технического и человеческого, обычной для трудяг села.

На стекле перед водителем красовалась вырезка из журнала с роскошной блондинкой. Григорий не утерпел, кивнул на красотку:

– Кто это?

– Как кто? Не придуривайся. Конечно же, ты знаешь – Брижит Бардо, французская актриса. Что за грудь, что за талия, что за попа – Европа! Высший класс!

Парень озорно прищурил правый глаз, подмигнул и звонко засмеялся. Глаза его были сияюще-голубые, волосы пепельно-русые, вихрастый чуб лихо взвивался из-под замасленной кепки, зубы ослепительные, смех заразительный. Он весело рулил, газуя по просёлку, подпрыгивая на кочках, изгибаясь на поворотах.

– А ты, сачок, куда путь держишь? – спросил парнишка, утишив задорный смех до добродушной улыбки.

– Откуда ты знаешь, что я – сачок? – задетый за живое, спросил Григорий.

– Я, брат, тебя насквозь вижу. Потому как сам такой. Я всё сачковал, сачковал, школу не кончил, потом в армию загребли. Там по полной жизни научился, а заодно и на шофёра.

– Да я-то точно школу закончу, – уверенно прогудел Григорий.

– Кончишь, а дальше что?

– Ну, в институт пойду.

– Я тоже в институт хочу. Сейчас все в институт хотят, даже бабки с образованием ЦПШ.

– А это что за образование? – удивился Григорий.

Водитель вновь весело расхохотался и авторитетно пояснил:

– Да это же церковно-приходская школа, чудак!

– Но ты же школу не закончил? – усомнился Григорий.

– Да что там школа. Пойду в вечернюю. Главное – учиться хочу. Науку грызть. Знаешь, кем я хочу быть?

– Кем же?

Григорий ожидал услышать, космонавтом или, на худой конец, врачом.

– Я хочу стать изобретателем. Изобрести самолёт с вертикальным взлётом и посадкой. Чтобы сел в него – и как птица, шурх в небо. А потом – бац, к себе во двор, поставил его стоймя в огороде до следующего полёта.

– Что-то вроде вертолёта? – спросил Григорий.

– Да нет, что там вертолёт! Самый что ни на есть самолёт! Чтобы взлететь, как ракета, крылья расправить и полететь. Паришь в вышине, как беркут, а потом, как тот же беркут, крылья сложил – и камнем вниз к земле.

– Камнем в землю, – с иронией поправил Григорий.

– Э, дурень ты, тут особая геометрия крыла нужна. Мотор и механика, чтобы у самой земли спланировал и сел, куда планировал, – добродушно улыбаясь, скаламбурил парнишка.

– Ну, тогда точно грызть тебе талмуды наук, грызть, пока зубы не обломаешь, – продолжил сомневаться Григорий.

Так, за неожиданно интересной и завлекательной для обоих беседой незаметно пролетело время, парни распрощались, как старые друзья, при этом не спросив даже имени друг друга, расстались как бы на час, а разошлись навсегда.

Казалось, встретились два странника – одной породы, одной природы, одного вероучения – понимающе подмигнули друг другу и пошли дальше, дорогой своей судьбы, к новым встречам, новым откровениям, новым понимающим улыбкам. И осталось от этой встречи на душе у Григория солнечное счастливое чувство, сродни тому, что возникло в момент, когда ливень солнечных лучей окончательно рассеял густой осенний туман.

И вновь, как и этот туман, рассеянный солнцем и прогретый неожиданно задушевной встречей с весёлым водителем, рассеялся казавшийся неизбывным страх перед тьмой, перед неведомым, туманным, зачарованным будущим. Привычная скука, одиночество и сплин, пройдя через леденящий мрак тумана, согревшись на раскалённом сиденье грузовичка, окончательно собрались в одно целое, единое, в новую неожиданную мысль, охватывающую всю ось мировидения – ввысь – высотная вертикаль, вниз – глубинная вертикаль, а в центре – точка опоры – его жизнь, неповторимая, единичная: «Да, да! Сам Господь Бог может *именно* сквозь меня весь мир окинуть *именно* моим взглядом?! – и это открытие собственной уникальности ошеломило Григория какой-то весёлой своей простотой. – Это я-то не такой как все и всё?! Да ведь так каждый может ощутить себя неповторимым, даже самая последняя паршивая дворняга?! И этот чудо-шоферюга тоже?»

Неожиданное открытие до боли переполнило его душу и, как тогда, в тумане, распахнуло её куда-то в глубину себя, в ослепляющую, казалось, темноту! Но теперь это уже не был всецело омертвляющий ужасом мрак, а тёплая животворящая темень, ласково манящая таинственно-мерцающим светом.

Всего сто минут без всего внешнего, привычного, намозолившего зрение, слух и обоняние. И вот, пожалуйста, дверь вовнутрь распахнута. Проходите, молодой человек, учитесь быть самим собой, неповторимым!

З

взрослые —
детям

ИРИНА МАТКОВСКАЯ

Лесной шум

Заспорили как-то деревья в лесу, кто из них лучше и главнее. Дуб сразу заявил о себе:

– О чём говорить-то? Я самый старый и могучий: посмотрите, какой у меня толстый ствол. Кроме того, я даю жёлуди, их свиньи любят.

– При чём здесь свиньи? – зашумел на ветру орешник. – Мои орехи, между прочим, люди едят. А они, я думаю, поглавнее свиной.

– Смотря какие люди. Некоторые себя ведут себя, как свиньи, – вздохнул пенёк, вокруг которого был разбросан мусор, и замолчал: он, понятно, ни на что не претендовал.

Самой многословной оказалась берёза.

Матковская Ирина Георгиевна окончила МГУ им. М.В. Ломоносова, экономический факультет. Много лет работала в ФГБУ «Российская государственная библиотека». В 2003 г. награждена почётной грамотой Министерства культуры РФ. Параллельно с основным видом деятельности занималась литературным творчеством. Пишет сказки, рассказы, стихи для детей и взрослых. С 2004 г. – член Московской городской организации Союза писателей России. В 2020 г. вышла книга «Когда поют гладиолусы» (изд-во «У Никитских ворот»), «Чита, Мартимошка и другие» (изд-во «У Никитских ворот», 2021 г.). Лауреат конкурса «Преодоление» (МГО СП России) в номинации «Гранатовый браслет» им. А.И. Куприна (2020 г.) и в номинации «Квартет» им. И.А. Крылова (2021 г.). Лауреат конкурса «Волшебное перо» в номинации им. Г.Х. Андерсена (МГО СП России, 2021 г.).

– Не хочу спорить, – запела она, – но очевидно, что я самая красивая и одета всегда по классической моде: кора у меня, в отличие от вас, белая в чёрную крапинку, а сочетание белого и чёрного всегда модно. Некоторые здесь толщиной своей хвалятся. Сомневаюсь, что этим можно хвалиться. Всегда в почёте стройность была. Недаром люди говорят: «Стройная, как берёзка». А ещё я даю вкусный и полезный сок, если со мной вежливо обращаться и аккуратно весной кору надкусить или надрезать.

– Подумаешь, – возмутились ёлочки, – вы все зимой с голыми ветками стоите, а мы круглый год зелёные, да ещё своими иголками можем колоть тех, кто нам не нравится.

Только стеснительная осина, скромно стоящая на краю леса, не знала, что сказать о себе. Она вообще не любила споров. Осина так разволновалась и растерялась, что задрожала. Дрожит она и по сей день, пугливо трепеща листочками на ветру.

А остальные деревья зашумели, зашелестели, загудели. Так что, когда вы услышите лесной шум, то знайте, что это деревья ведут свой нескончаемый разговор.

Лягушка и мухомор

Мухомор вырос огромным, с ярко-красной в белый горошек шляпкой и с пышной оборочкой на ножке.

Однажды около мухомора после плотного завтрака села отдохнуть лягушка. Бессмысленно глядя перед собой, она переваривала съеденных насекомых.

Мимо пробежал ёжик.

– Хорошо смотришься рядом с мухомором, – бросил он на ходу.

– Но-но-но, попрошу нас не объединять, – возмутилась лягушка, – просто мне здесь нравится сидеть, вот и всё. А вообще, я – это одно, а мухомор – это совсем другое. Я поедаю комаров и других вредных насекомых. А он – ядовитый бесполезный гриб.

– Да, грибов нынче много, – ответил глуховатый ёжик, – надо успеть запастись.

– Вот и беги, запасайся, – проворчала лягушка.

Она ещё удобнее устроилась под шляпкой мухомора и даже немного вздремнула.

Очнулась она от того, что прямо перед ней сверху упала муха.

«Замечательный сон мне снится: мухи сами в рот падают», — подумала лягушка. Но когда перед ней шлёпнулись ещё две мухи, она окончательно проснулась.

— Откуда они взялись-то? — удивилась она.

— Это я их отравил, — вдруг сказал молчавший до сих пор мухомор.

— Ну ты даёшь! Тоже, значит, всяких вредителей уничтожаешь, — восхитилась лягушка.

— Работа моя такая: всех травить, — гордо пояснил мухомор.

— Ну всех-то, может, и не надо, — пробормотала лягушка.

— А я и не всех, а только тех, кто меня кусает, — уточнил он.

— Правильно, правильно, — одобрила лягушка, — нечего им кусаться.

«Надо же, ядовитый гриб, а тоже пользу имеет», — подумала она.

— Ра-бо-та-та-та, — застучал наверху дятел.

И лягушка поскакала по своим делам поближе к болоту.

Ведь у каждого в лесу — своё дело, своя работа, и если кто-нибудь не будет её выполнять, то вся лесная гармония в конечном счёте нарушится.

АЛЕКСЕЙ ВОЛКОВ

Почемучка

Почему на небе тучки?
Отчего не сладкий сок?
Все расспросит Почемучка,
Любознательный Сынок.

Почему костюм у папы?
Жёлтый клювик у цыплят?
Отчего у мишки лапы,
А копытца у козлят?

Почему луна не греет?
Где ночует самолёт?
Отчего без батареек
Рыбка песню не поёт?

Волков Алексей Александрович – поэт и писатель, автор нескольких художественных книг, в том числе поэтического сборника из серии 101 поэт XXI века «Бесконечно длинные мгновенья», сборника эссе и рассказов «Дверь». Активно и плодотворно работает в жанре детской литературы, является автором популярной «взрослой» сказки «Необыкновенные приключения Просто Капельки», азбуки «Шуршунчик, Щекотушка и весёлые зверушки», считалочки «Мы считаем с Трулли-Пулли» и др.

Почему краснеет роза?
С кем гуляет Винни-Пух?
Домик где у Дед Мороза?
И зачем растёт лопух?

Почему узор на окнах?
И такой же на ковре?
Отчего листочки сохнут
На деревьях в октябре?

Почему дудит корабль
Так же, как и паровоз?
Отчего клешни у краба?
Где у птички рот и нос?

Всё расспросит Любопышка,
Сотни тысяч – «Почему?»
Милый маленький мальчишка...
Целый мир открыт ему.

Капитан морей и рек

Самый главный человек –
Капитан морей и рек.
У него корабль есть,
И друзей на нём не счесть.
Папа, мама и матрёшка,
Два мишутки, просто ложка,
И жирафик, и пчела,
Песенка «ла-ла-ла-ла»,
И, конечно, добрый слончик –
Всем в округе шлёт поклончик.
Самый главный человек –
Капитан морей и рек,
Всех зовёт «Агу, агу»,
Нам в дорогу – «гу-гу-гу...»
Сядем, дружно поплывём,
Пусть и мелкий водоём,

Но зато в нём бегемотик
Чешет лапкою животик,
Улыбается, хохочет,
Прокатиться с нами хочет.

Листик и камушек

Мы сегодня заболели,
Листик в горлышке застыл,
Мы сегодня заболели,
Носик камушек закрыл.

Быстро-быстро паровозик
Нам целебный пар привозит,
Дышим паром, а потом
Горло лечим молоком.

А затем поспим немножко,
Нужно сил набраться Крошке,
Чтобы завтра не болеть,
А играть и песни петь.

Пусть волшебный паровозик
Листик с камушком увозит
Тёмной ночью далеко,
Чтобы стало нам легко.

Жу-жу-жу-жу

Я тебе жу-жу-жу-жу
Нынче что-то расскажу,
Расскажу про город-сказку,
Где медведи на салазках

Рассекают в темноте
В полусонной дремоте.

Я тебе жу-жу-жу-жу
Нынче что-то расскажу
Про слонов и бегемотов,
Про лягушек на болотах,

Про жучков и червячков,
Про весёлых светлячков.

Я тебе жу-жу-жу-жу
Нынче что-то расскажу
Про моря и океаны,
Про загадочные страны,

Про людей, что в них живут,
Нас с тобою в гости ждут.

Я тебе жу-жу-жу-жу
Ещё много расскажу,
Ты закрой лишь только глазки,
Расскажу и быль, и сказки.

Поскорее засыпай,
Баю-баю-баю-бай...

Мы бежали

Мы за трактором бежали,
Запыхались и устали,
И на солнечном бульваре
Мы почти его догнали,
То-то радости до слёз!
Но вдали – мусоровоз!
За машинкой этой милой
Снова мчимся что есть силы,
На педали жмёт шофёр,
Заезжает к нам во двор,
Фух, догнали наконец,
Ай да Кузя – молодец!

Ну а завтра мы догоним
Дядю на большом фургоне,
Экскаватор и КАМаз
Много, много, много раз!

Малыши

Все на свете малыши
Веселятся от души,
Только дяденькам и тётям
Очень грустно на работе.

Ведь не ходят на работу
К ним слоны и бегемоты,
И затейники-скворцы
Им не строят там дворцы.

И тоскливо, без улыбок,
Много делают ошибок,
Все в печали и заботе
На работе дяди, тёти...

Эй, скорее, малыши,
Постарайтесь от души,
Скуку взрослым полечите,
На лошадках прискачите,

Поиграйте с ними в сказки,
Покатайте на салазках,
И, быть может, что тогда
Грусть умчится навсегда.

Все на свете малыши
До чего же хороши!

АЛЕКСЕЙ МОНАСТЫРЮК

Окольная речь для детей

Вступление для младших и старших

Загадка – близкая родственница тайны. Тайну создают так, чтобы её не разгадали. А загадка, наоборот, хочет, чтобы её разгадали. Она играет с нами в прятки.

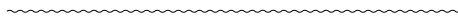
Помогает ей в этом родная сестра загадки – отгадка. Отгадка очень хорошо прячется, но в словах загадки есть намёк, подсказка, где искать отгадку.

Загадки придумывает человек, и даже целые народы. А то, что придумал один человек, может разгадать и другой.

Читателю предстоит мысленно побродить в поисках отгадки и прийти окольными путями к правильному ответу на загадку. Поэтому цикл и называется «Окольная речь», то есть речь не прямая.

Дадим небольшую подсказку: загадки распределены по темам, и это сужает круг поиска отгадки.

Что ж, не будем затягивать дорожные сборы и отправимся в путь!

Монастырюк Алексей Юрьевич – автор исторических текстов на сайтах Президента России и Патриарха Московского, а также книг «От сокола до орла» (очерки по истории Руси) и «Загадки и отгадки Кремля» (путеводитель по Московскому Кремлю).

Личный сайт: <http://alexmon.ru>. Канал в Яндекс.Дзен – «Окольная речь».

Глава 1. Загадки-цитатки

В этой главе собраны загадки, в основе которых цитаты – дословные выдержки из текстов различных авторов. Читатель может не переживать. Законом цитирование допускается, если указать имя автора и его произведение. Мы законопослушные граждане, поэтому исполним требования закона буква в букву.

Первая русская загадка

«Есть град между небом и землёй. К нему едет посол без пути, сам немой, везёт грамоту неписанную».

В одной из берестяных грамот, найденных нашими археологами в Великом Новгороде в XX веке, была написана загадка. Возможно, это самая первая русская загадка. Она датируется 1360–1380 годами, то есть этой загадке около 700 лет.

Возможно, её загадывал Сергей Радонежский великому князю Дмитрию Донскому, разгадывал иконописец Андрей Рублёв, а придумал святой митрополит Алексей.

Постарайся отгадать первую русскую загадку времён, когда Русь называли Святой.

Гениальность

«Дети на полу – умный на диване».

В книге М.С. Козмана «Шутки и остроты А.С. Пушкина» рассказывается случай, произошедший с Александром Сергеевичем, который демонстрирует гениальность поэта, его отличие от обычного читателя.

Пушкин пришёл домой к чиновнику по служебным делам, а тот даже не встал с дивана, чтобы поприветствовать гостя. Более того, чиновник потребовал Пушкина развлечь его остроумным экспромтом (экспромт – это речь без подготовки). И Пушкин сквозь зубы выпалил: «Дети на полу – умный на диване».

Поначалу чиновник не оценил экспромт Пушкина, а спустя минуту-две, проговорив фразу неоднократно, рассердился и попросил поэта выйти вон.

На что же рассердился чиновник?

Древнегреческая загадка

«Всё, что мы поймали, мы оставили позади, всё, что мы не ловили, мы носим с нами».

Благодаря неизвестным античным авторам, которых принято называть одним именем – «Псевдо-Плутарх», до нас дошла древнегреческая загадка, погубившая мудреца Гомера, автора «Илиады» и «Одиссеи».

В трактате «Жизнь Гомера» (глава 4) говорится о том, что однажды мимо Гомера, сидящего на скале у моря, проплывали дети-рыбаки. Гомер спросил их, поймали ли они что-нибудь. У ребят не было ничего, поэтому они с грустью ответили мудрецу загадкой: «Всё, что мы поймали, мы оставили позади, всё, что мы не ловили, мы носим с нами».

Не в силах найти ответ на детскую загадку, Гомер пришёл в уныние, посчитав, что мудрость его покинула, и умер.

Попробуй отгадать загадку твоих сверстников, живших почти 3000 лет назад. Стоит добавить: когда дети говорили «мы оставили позади», они имели в виду, что выбросили.

Маяковский

«Если хочешь кушать “Мишку”, заведи себе СБЕРКНИЖКУ!»

Рекламная фраза великого русского поэта XX века Владимира Маяковского для товара, выпускаемого Моссельпромом (пищевой трест, объединивший под своим началом кондитерские, мукомольные и другие фабрики Москвы).

О каком «Мишке» идёт речь? И почему нужно завести СБЕРКНИЖКУ, чтобы «Мишку» съесть? Как правило, заводят кошек и собачек, а также других домашних представителей фауны.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

Андрей Иванов.....	7
Анатолий Коротков	11
Василий Мурзин	16
Идалия Шевцова-Урсатий	18

Проза

Алла Бакшанская	23
Алиса Бескровная.....	27
Сергей Бусахин.....	39
Андрей Клыпин	51
Василий Поляков.....	56
Анатолий Суслов	63

Взрослые – детям

Ирина Матковская	73
Алексей Волков.....	76
Алексей Монастырюк	81